

**Ян Мортимер
А. В. Захаров
Средневековая Англия. Гид
путешественника во времени
Серия «Путешественники во времени»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8707501

Ян Мортимер. Средневековая Англия. Гид путешественника во времени: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72804-6

Аннотация

Представьте, что машина времени перенесла вас в четырнадцатый век...

Что вы видите? Как одеваетесь? Как зарабатываете на жизнь? Сколько вам платят? Что вы едите? Где живете?

Автор книг, доктор исторических наук Ян Мортимер, раз и навсегда изменит ваш взгляд на средневековую Англию, показав, что историю можно изучать, окунувшись в нее и увидев все своими глазами.

Ежедневные хроники, письма, счета домашних хозяйств и стихи откроют для вас мир прошлого и ответят на вопросы, которые обычно игнорируются историками-традиционалистами. Вы узнаете, как приветствовать людей на улице, что использовалось в качестве туалетной бумаги, почему врач может попробовать вашу кровь на вкус и как не заразиться проказой.

(При чтении книги рекомендуется использование многоязычных шрифтов)

Содержание

Благодарности	4
Введение	5
I. Пейзаж	8
Города	8
Городские дома	14
Лондон	17
Маленькие города	21
Сельская местность	23
Меняющийся ландшафт	25
Деревни	27
II. Люди	32
Три сословия	35
Те, кто сражаются	35
Те, кто молятся	37
Те, кто работают	42
Люди вне сословий	46
Женщины	48
III. Средневековый характер	52
Чувство юмора	54
Любовь воина к цветам	56
Образование	58
Знания об окружающем мире	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ян Мортимер

Средневековая Англия. Гид путешественника во времени

Посвящается моей жене Софи, без которой я бы не написал эту книгу и с которой даже не познакомился бы, если бы не эта книга

*Прошлое – это другая страна. Там всё делают по-другому.
Л. П. Хартли. Посредник*

Благодарности

Я хочу поблагодарить своих редакторов Уилла Салкина и Йорга Хенсгена, их коллег из Random House, благодаря которым эта идея увидела свет, а также моего агента Джима Гилла за отличные советы. Еще я очень благодарен Кэтрин Уорнер за отзыв на черновую версию, а также людям, дававшим мне крышу над головой во время исследовательских поездок, в частности Заку Редану и Мэри Фосетт, Джею Хаммонду, Джуди Мортимер, Роберту и Джулии Мортимер. Наконец, я хочу объявить благодарность Питеру Макэйди и Энн Венгер за полезные предложения, выдвинутые во время редактирования книги.

Но в наибольшей степени я в долгу перед моей женой Софи. Мы впервые увиделись в январе 1995 года, чтобы обсудить эту книгу. Я благодарен ей не только за то, что она поддерживала мое стремление написать книгу, но и за то, что она потом вышла за меня замуж. Сейчас у нас трое детей: Александр, Элизабет и Оливер. Я благодарен и им – за то, что от них я узнал о жизни в любую эпоху такое, чего не найдешь ни в одной книге.

*Мортонхэмпстед Девон,
9 марта 2008 года*

Введение

Добро пожаловать в средневековую Англию

Что вы себе представляете, услышав слово «Средневековье»? Рыцарей и замки? Монахов и аббатства? Огромные леса, в которых прячутся разбойники, смеющиеся над законом? Да, это популярные образы, но они мало что говорят о том, как жила большая часть людей того времени. Представьте, что вы можете путешествовать во времени: что бы вы обнаружили, отправившись в XIV век? Представьте себя летним утром на пыльной лондонской улице. Слуга открывает ставни на втором этаже и выбивает простынь. Лает собака, охраняющая вьючных лошадей путешественника. Стоящие поблизости торговцы выкликают покупателей из-за своих лотков, а две женщины болтают – одна прикрывает глаза от солнца, другая держит в руках корзину. Деревянные балки домов торчат прямо над дорогой. По ярко раскрашенным вывескам над дверями становится понятно, что продается в лавках. Неожиданно вор хватается кошелёк торговца, и тот, громко вопя, пускается в погоню. Все оборачиваются, чтобы посмотреть. А вы, оказавшись среди всего этого, – где вы сегодня будете ночевать? Как вы одеты? Что будете есть?

Как только вы начнете думать о прошлом как о чем-то, что происходит (а не когда-то произошло), то сможете новыми глазами взглянуть на историю. Сама идея возможного визита в Средневековье позволяет нам рассмотреть прошлое в гораздо более широких рамках – узнать больше о проблемах, с которыми приходилось иметь дело англичанам, об их радостях, о том, какими вообще они были. Как и историческая биография, путеводитель по прошлому позволит нам взглянуть на его обитателей по-другому: не как на серию графиков урожайности злаковых культур или подушного дохода, а как на настоящих, живых людей из другого времени. Вы сможете понять, почему люди поступали так или иначе или даже почему они верили в то, что нам кажется невероятным. Вы поймете это, потому что будете знать, что они – тоже люди и их действия во многих случаях вполне естественны. Идея с путешествием в Средневековье поможет вам понять этих людей с точки зрения не только исторических свидетельств, но и их человечности, надежд и страхов, драматических событий в жизни. Хотя обычно писатели для этого обращались к форме исторических романов, я не вижу никакой причины, по которой писатель-документалист не может излагать материал так же прямолинейно и с такой же симпатией к действующим лицам. Если о фактах рассказывать в настоящем, а не в прошедшем времени, они от этого не станут менее достоверными.

В каком-то смысле эта идея не нова. В течение десятилетий историки архитектуры воссоздавали внешний облик дворцов и монастырей, какими они были во времена расцвета. Кураторы музеев точно так же восстанавливали старые дома и их интерьеры, расставляя в них мебель ушедших эпох. Люди создают группы реконструкторов, пытаясь понять, каково было жить в другую эпоху; они устраивают смелые практические эксперименты, переодеваясь в одежду того времени и готовя в котле на открытом огне или размахивая копией старинного меча, одевшись в тяжелый доспех. Все они напоминают нам, что изучение истории – это не просто образовательный процесс. Понимание прошлого – это не только знания, но и опыт, стремление установить духовную, эмоциональную, поэтическую, драматическую и идейную связь с нашими пращурами. История – это еще и личная реакция на трудности жизни в прошлых веках и в других культурах и понимание того, чем один век отличается от другого.

Ближе всего историки подошли к описанию прошлого «в настоящем времени» в жанре «А что, если бы?», или «альтернативной истории». В этом жанре историки рассуждают, что бы произошло, если бы история пошла по другому пути. Например, что было бы, если Гитлер вторгся в Великобританию в 1940 году? Что, если бы Непобедимая армада доби-

лась успеха? Такие рассуждения, естественно, уязвимы для очевидного ответа: этого не произошло, следовательно, и обсуждать нечего; тем не менее, у них есть не менее очевидное достоинство: они переносят читателя в определенный момент времени и описывают события так, словно они происходят прямо сейчас. Это намного интереснее. Поставьте себя, скажем, на место герцога Веллингтона при Ватерлоо или Нельсона в Трафальгарской битве: они очень хорошо знали, к чему приведет поражение. Как и верховное начальство в Англии. Они уж точно думали о прошлом, которое не наступило, так что, реконструируя то, что могло произойти, мы, по сути, восстанавливаем мысли знаменитых лидеров в моменты принятия решений. Просто представьте: если бы Генрих IV не вернулся в Англию в 1399 году, чтобы низложить Ричарда II, то нас бы ждали несколько (а возможно, и много) лет тиранического правления Ричарда, которые, вполне возможно, закончились бы гибелью династии Ланкастеров и всех их сторонников. Весной 1399 года эта вероятность была ключевым вопросом всей политики и одной из главных причин, по которой Генрих все же вернулся. Кроме того, именно из-за этого многие встали на его сторону. Так что взгляд на историю как непосредственно происходящие события жизненно важен для верного понимания прошлого, несмотря на то что конечный результат этих рассуждений и тогда, и сейчас – чистые гипотезы.

Альтернативная история, описанная выше, полезна только для понимания политических событий; она не имеет практически никакой ценности для истории общества. Мы не можем предположить, что бы случилось, если бы Черная смерть не пришла в Европу: это никак не зависело от принятых решений. Но, как и реконструкция типичного средневекового дома, виртуальное путешествие во времени позволит нам создать более ясную картину жизни, какой она была в другую эпоху. Более того, оно еще и ставит перед нами немало вопросов, которыми мы ранее вообще не задавались и у которых не всегда есть простые ответы. Как люди здоровались друг с другом в Средние века? Какое у них было чувство юмора? Насколько далеко от дома уезжали люди? Если писать историю с точки зрения нашего любопытства, то придется рассматривать многие вопросы, которые игнорируются в традиционных исторических трудах.

Средневековая Англия – это огромный простор для путешественника во времени. Четыре столетия между вторжением норманнов и распространением книгопечатания – время огромных перемен в обществе. «Средние века» – это именно что последовательность веков, и норманнский рыцарь в битве времен конца XIV века будет выглядеть столь же неуместно, как, скажем, премьер-министр из XVIII века, который захотел бы провести предвыборную кампанию в наши дни. По этой причине наш путеводитель посвящен только одному веку – XIV. Он наиболее соответствует нашим типичным представлениям о «Средневековье»: доблестные рыцари, турниры, этикет, искусство и архитектура. Возможно, его можно даже назвать воплощением Средневековья: гражданские войны, сражения с соседними королевствами – Францией и Шотландией, осады, беглые преступники, монашество, строительство соборов, проповеди, флагелланты, голод, последний крестовый поход, восстание Уота Тайлера и, прежде всего, Черная смерть.

Подчеркнув, что книга будет посвящена Англии XIV века, все же нужно сделать несколько оговорок. Восстановить все подробности эпохи, опираясь только на свидетельства из Англии XIV века, невозможно: некоторые тогдашние хроники до ужаса неточны и неполны. Кроме того, мы не можем всегда быть уверены, что в 1320 году что-нибудь делали точно так же, как в 1390-м. В некоторых случаях можно точно сказать, что изменения произошли, и значительные: военное искусство Англии за это время стало совершенно иным, равно как и здравоохранение – после катастрофического явления чумы в 1348 году. Так что при необходимости для описания конца XIV века использовались данные из XV, а для описания начала – некоторые данные о XIII столетии. Такое размытие временных границ необ-

ходимо, чтобы ответить на очень сложные вопросы. Например, у нас сравнительно мало источников, в которых говорится об учтивости и хороших манерах XIV века, но зато есть несколько великолепных источников, описывающих начало XV. Поскольку маловероятно, что хорошие манеры возникли внезапно за одну ночь, я взял более поздние сведения как самые полные и точные.

Для написания этой книги использовано множество разных источников. Не стоит и говорить, что самые важные источники – те, что датированы XIV веком. Среди них – неопубликованные и опубликованные хроники, письма, семейные записи, стихотворения и разнообразные полезные советы.

Иллюминированные рукописи показывают моменты из повседневной жизни, которые не всегда описываются в текстах – в частности, ездили ли женщины в «дамском» седле. Немало архитектурных свидетельств предоставляют сохранившиеся в Англии здания XIV века – дома, замки, церкви и монастыри, а все растущее количество литературы о них дает еще больше информации. В некоторых случаях у зданий даже есть сопроводительные документы: например, сметы на строительство или чертежи. Археологи находят всё больше вещей того периода – от инструментов, обуви и одежды до ягодных семечек из средневековых туалетов и рыбных костей из болот, на месте которых когда-то были пруды. «Обычных» артефактов – монет, керамики и железных изделий – у нас тоже множество. Объем, в котором хороший музей даст вам возможность узнать о жизни в Средневековье, ограничен исключительно вашим любопытством и воображением.

Но – и это, пожалуй, самое главное – лучшее свидетельство о том, как жилось в XIV веке, – это понимание того, как живется в любую эпоху, в том числе сегодня. Единственный контекст, доступный нам для понимания любых исторических данных, – наш собственный жизненный опыт. Да, у нас другая еда, мы выше, живем дольше, а рыцарские турниры считаем невероятно опасным занятием, а не интересным видом спорта, но мы знаем, что такое печаль, любовь, страх, боль, амбиции, враждебность и голод. Нужно всегда помнить: то, что не изменилось по сравнению с прошлыми эпохами, не менее важно, реально и необходимо для наших жизней, чем то, что изменилось. Представьте себе, как группа историков через семьсот лет будет рассказывать современникам, как жилось в начале XXI века. У них, конечно, будут книги, фотографии, оцифрованные фильмы, остатки наших домов, даже, может быть, выгребные ямы, но самое главное, о чем они будут рассказывать – о человечности. Уистен Хью Оден однажды сказал: чтобы понять свою страну, нужно пожить хотя бы еще в двух других. Примерно так же можно сказать и о временных периодах: чтобы понять свой век, нужно разобраться хотя бы еще в двух других. Ключом к пониманию прошлого могут стать развалины или архивы, но вот понять прошлое мы сможем, только пропустив его через себя, – и так будет всегда.

I. Пейзаж

Города

Сначала вы увидите собор. Выйдете на опушку леса, и вот он – огромный и величественный, венчающий собой вершину холма и освещенный утренним солнцем. Несмотря на деревянные леса, стоящие с западной стороны, длинная, восьмидесяти футов в высоту, островерхая свинцовая крыша с летящими опорами и колоссальными башнями – достопримечательность всего региона. Собор в сотни раз больше любого другого здания вокруг; даже каменные стены, окружающие город, по сравнению с собором кажутся маленькими. Десятки и сотни небольших домиков стоят друг к другу под странными углами, раскрашенные в разные цвета и оттенки, похожие на камешки, нанесенные ручьем к огромному булыжнику-собору. Тридцать церквей, несмотря на то что их приземистые башенки тоже выделяются на фоне крыш, выглядят на фоне собора очень скромно.

Подойдя ближе к городским стенам, вы увидите большое сторожевое здание. Две круглые башни высотой более 50 футов каждая стоят по обе стороны недавно построенной островерхой арки, а над входом, в нише, установлена раскрашенная статуя короля. После этого у вас не останется сомнения ни в гражданской гордости горожан, ни в том, кто здесь власть. Пройдя через эти ворота, вы окажетесь под юрисдикцией мэра. Здесь, в замке, расположенном на северо-востоке города у стен, живут королевские чиновники. Город – место, где царят закон и порядок. Высокие стены, окружающие город, статуя короля, большие круглые башни и прежде всего, естественно, огромный собор впечатляют вас своей мощью.

А потом вам в нос ударяет запах. В четырехстах ярдах от городских ворот грязную дорогу, по которой вы идете, пересекает ручей. Вдоль берегов вы видите кучи мусора, разбитую посуду, кости животных, внутренности, человеческие фекалии и гниющее мясо. В некоторых местах грязные берега ручья переходят в топкую трясину, куда горожане сбрасывают мусор. В других местах видна ярко-зеленая трава, камыши и кусты, пробивающиеся из хорошо удобренной земли. Прямо на ваших глазах двое полуобнаженных работников снимают еще одну бочку с экскрементами с телеги и сбрасывают содержимое в воду. В мусоре копается небольшая коричневая свинья. Ручей не просто так называют Шитбрук («Дерьмовый ручей»).

Вы познакомились с контрастами средневекового города. Он так величествен и грандиозен, местами очень красив; но тем не менее он напоминает распухшего обжору. Город похож на карикатуру человеческого тела: вонючий, грязный, властный, богатый и предающийся всякого рода излишествам. Когда вы торопливо пересечете деревянный мост через Шитбрук и направитесь к воротам, контрасты станут еще заметнее. Группка мальчишек с грязными лицами и спутанными волосами бросится к вам, наперебой крича: «Сэр, вам нужна комната? Хотите переночевать? Откуда вы?» Они будут вырывать друг у друга поводья вашей лошади, притворяться, что знакомы с вашим братом или что когда-то жили в городе, откуда вы приехали. Их одежда грязна, а на еще более грязных ногах красуются кожаные ботинки, топтавшие камни и грязь на улицах еще до рождения нынешних владельцев. Добро пожаловать в обиталище гордости, богатства, власти, преступности, правосудия, высокого искусства, вонь и попрошайничества.

Выше описан город Эксетер на юго-западе Англии, но все семнадцать городов с кафедральными соборами, «сити», выглядят почти одинаково. Похожи на них и крупные города-«тауны» – за одним исключением: соборов в них нет, только церкви. По прибытии в любое крупное поселение вас тут же ждет атака на все чувства одновременно. Ваши глаза широко

распахнутся от удивления, увидев огромные церкви, – вас поразят богатое убранство и прекрасные витражи. В ваш нос тут же ворвется вонь из загаженных водоемов и канав. После тишины на загородной дороге, нарушаемой разве что пением птиц и шелестом листьев на ветру, вашему слуху придется приспосабливаться к крикам путешественников и глашатаев, окликающим рабочих и звону церковных колоколов. В любом городе в базарный день или во время ярмарки вы окажетесь в толпе людей, которые приехали из деревень и не прочь отметить это событие в близлежащей таверне. Посетить английский город в конце XIV века – серьезное испытание для всех органов чувств.

Крупный город – устрашающее место. Вы уже успели увидеть высохшие останки воров на виселице, стоящей на перекрестке. На главных воротах региональных столиц вы обязательно найдете головы и конечности государственных изменников. Войдя в город Йорк (крупнейший город на севере), вы увидите у ворот почерневшие головы преступников, насаженные на пики, – а глаза их уже давно выклевали птицы. С веревок свисают руки и ноги, отрезанные у изменников, сплошь покрытые мухами или их личинками. Эти останки напоминают вам о власти короля, человека, незримо стоящего над всеми мэрами, олдерменами, местными лордами, шерифами и судами.

Вы, наверное, скажете: «Вот каков он, пейзаж средневековой Англии – страх и разруха». Но в тот момент, когда вы войдете в тень сторожевого здания, вы поймете, что Средневековье – это нечто намного большее. В Эксетере, например, едва пройдя через большие ворота, вы увидите широкую и приятную на вид Саут-стрит. На ней расположены лучшие дома и гостиницы; фронтоны на их крышах с крутым скатом едва не касаются земли. Справа от вас – церковь Святой Троицы, которой с особым усердием поклонялись в конце XIV столетия. Дальше по улице – красивый дом аббата. Слева – целый ряд купеческих домов, кое-где – с открытыми лавками; на витринах выставлен шелк и другие дорогие ткани. На мгновение вам бросится в глаза неровная дорога, покрытая пылью или грязью после дождя. Но потом ваше внимание отвлечет суeta вокруг. Пони и выючные лошади неторопливо идут по городу на рынок, нагруженные зерном; их ведут крестьяне с местных ферм. Мимо проходят священники в рясах, с распятиями и четками, висящими на поясах. Возможно, вы даже увидите монаха-доминиканца в черном плаще, который проповедует прямо на улице, окруженный небольшим кольцом почитателей. Батраки ведут на рынок овец и коров или везут тележки, груженные яйцами, молоком и сырами, на лавочную улицу Милк-стрит.

Город такой живой, так полон занятых людей, что вскоре вы уже забудете об обезглавленных изменниках. И запах Шитбрука уже не чувствуется в воздухе: на улицах почти нет навоза. На той же Саут-стрит вы можете увидеть, как слуга лопатой убирает конский навоз от хозяйского дома. Идя к центру города, вы заметите лавки ремесленников, теснящиеся в маленьких зданиях; иногда вся «лавка» занимает комнатку площадью всего в сорок квадратных футов, но тем не менее на каждой лавке висит красочная вывеска, на которой для неграмотных нарисовано, чем здесь торгуют. Некоторые вывески изображают товары: например, нож означает лавку ножовщика. Другие представляют собой объемные предметы: например, бушель на шесте означает, что здесь продают свежесваренный эль, а забинтованная рука – жилище хирурга. В начале Смитен-стрит, ведущей вниз к реке, вы услышите гулкие удары кузнечных молотов по наковальне и хриплые крики кузнецов, приказывающих своим подмастерьям принести воду или уголь. На той же улице стоят лотки, где продаются изделия из железа: ножницы, подсвечники и ножи, привлекающие внимание деревенских жителей. Пройдите чуть дальше, и найдете Бутчерс-роу, или «Шемблс» («Туши»), где на прилавках прямо на солнце лежит разделанное мясо, а ноги и туши висят на крюках в тени. Прислушайтесь к стуку разделочного топора по доске, посмотрите, как мясник в кожаном фартуке кладет красное мясо на весы и тщательно уравнивает с помощью металлических гирь.

Именно здесь, среди городских лавок, все ваши предрассудки по поводу средневековой Англии развеются как дым. Доберитесь до центра любого большого города, и вас поразит невероятное разнообразие костюмов – от крестьян в одежде из грубой шерсти до богато разодетых купцов, эсквайров и их жен и, может быть, даже рыцаря или аристократа. Зимой пестроту оттенков будут скрывать дорожные плащи, но вот на солнце богатые красные, яркие желтые и глубокие синие цвета видны отлично; одежда еще и оторочена мехом (каким – зависит от общественного положения владельца). Языки и говоры, которые вы услышите в городе, и вовсе создают космополитическую атмосферу. В больших городах регулярно бывают иностранные торговцы, но даже в городках поменьше вы услышите на улицах и французскую, и английскую речь, а иногда – даже латынь и корнуолльский язык. Над утренним гомоном разносится голос городского глашатая, стоящего на перекрестке в центре города; два друга громко смеются над новой шуткой. Но даже еще громче слышны луженые глотки уличных торговцев, расхаживающих по улице с большими тарелками: «Горячие гороховые стручки!», или «Зеленый тростник!», «Горячие овечьи ноги!», или «Говяжьи ребрышки и много пирожков!»¹.

¹ Эти выкрики позаимствованы из поэмы начала XV века «Лондон Ликпенни», когда-то приписываемой Джону Лидгейту. Похожие выкрики можно найти в конце пролога «Видения о Петре Пахаре» Лэнгланда.

Крупнейшие английские города по состоянию на 1377 год*

№	Город (большими буквами — «сити»)	Налогоплательщики	Общее население
1	Лондон	23 314	40 000
2	ЙОРК	7248	12 100
3	Бристоль	6345	10 600
4	Ковентри	4817	8000
5	НОРИДЖ	3952	6600
6	ЛИНКОЛЬН	3569	5900
7	СОЛСБЕРИ	3226	5400
8	Линн	3217	5400
9	Колчестер	2955	4900
10	Бостон	2871	4800
11	Беверли	2663	4400
12	Ньюкасл	2647	4400
13	КЕНТЕРБЕРИ	2574	4300
14	Бери-Сент-Эдмендс	2445	4100
15	Оксфорд	2357	3900
16	Глостер	2239	3700
17	Лестер	2101	3500
18	Шрусбери	2083	3500
19	Грейт-Ярмут	1941	3200
20	ХЕРЕФОРД	1903	3200
21	Кембридж	1902	3200
22	ИЛИ	1772	3000
23	Плимут	ок. 1700?	2800
24	ЭКСЕТЕР	1560	2600
25	Гулль	1557	2600
26	ВУСТЕР	1557	2600
27	Ипсвич	1507	2500
28	Нортгемптон	1477	2500
29	Ноттингем	1447	2400
30	ВИНЧЕСТЕР	1440	2400

* Цифры в этой таблице основаны на статистике подушного налога 1377 года, приведенной в Hoskins, *Local History*, pp. 277–278. Прикидки по населению — на том, что в XVI веке возраст 32% населения Англии составлял менее 14 лет и что, скорее всего, в конце XIV века процент не сильно отличался. Кроме того, учитываются еще два фактора: 1) духовенство и попрошайки не платили налогов; 2) некоторые из тех, кто должны были платить, не платили. Так что цифры по населению составлены примерно по следующему принципу: около 60% — налогоплательщики, 32% — дети до четырнадцати лет, 2% — духовенство, 6% — попрошайки и те, кто уклонялся от налогов. Если, скажем, от налогов уклонялось 10% населения, а еще 10% — попрошайки, то получается, что налогоплательщики составляли всего 46% населения, так что общие цифры нужно соответствующим образом увеличить. Некоторым городам приписано намного большее население, чем можно вычислить по количеству налогоплательщиков. Например, по подсчетам, в Винчестере к 1400 году жило 7–8 тысяч человек, втрое больше, чем по прикидке на 1377 год. См. Dyer, *Standards*, p. 189. Цифры по Плимуту не сохранились; 1700 — это предположение профессора Хоскинса. Стоит также отметить, что Глостер и Оксфорд получили статус «сити» только в XVI веке.

Несмотря на весь шум, вы, наверное, удивитесь, узнав, как мало на самом деле жителей в больших городах Англии. В 1377 году за стенами Эксета стоит шестьсот или семьсот домов, в которых живут примерно 2600 человек. Но даже с таким населением это уже двадцать четвертый по величине город во всей Англии. Только крупнейший город — Лондон, где живет более 40 тысяч человек, — можно назвать по-настоящему большим в сравнении с континентальными мегаполисами вроде Брюгге, Гента, Парижа, Венеции, Флоренции и Рима, население которых составляет более 50 тысяч. Но не думайте, что городки вроде Эксета маленькие и тихие. Немало народу живет в гостиницах, хотя, естественно, «население» гостиниц постоянно меняется. В городе каждый день можно встретить множество путешественников: священников, купцов, гонцов, королевских чиновников, судей, клерков, мастеров-каменщиков, плотников, маляров, паломников, бродячих проповедников и музыкантов. Кроме того, вы увидите толпы жителей близлежащих деревень, которые пришли в город, чтобы приобрести товары и услуги или, наоборот, продать сельскохозяйственную продукцию розничным торговцам. Вспомнив о разнообразии товаров и услуг, предлагаемых городом, — от обработки металла до выделки кожи, от шерифского суда и писцов до аптекарей и торговцев пряностями, — вы вскоре поймете, что дневное население города может вдвое, а то и втрое превышать количество людей, постоянно живущих в его стенах. А в особых случаях — например, во время ярмарок — в городах собирается и того больше народу.

Цифра в 100 тысяч налогоплательщиков в тридцати крупнейших городах говорит нам о том, что примерно 170 тысяч человек — шесть или семь процентов населения королевства — городское население. В Англии есть еще около двухсот торговых городков с населением более четырехсот человек. В целом более двадцати процентов англичан живут в городах —

пусть даже и в маленьких городках, где обитает не больше ста семей². Из этого следует, что большинство живет в сельской местности и появляются в городах только по необходимости. Они приходят и уходят домой, унося с собой то, что купили, или пригоняя скот, который собираются продать. Именно эти постоянные приходы и уходы, это движение делает средневековый город таким энергичным и живым.

² Если население Англии составляло 2,5 миллиона человек, из которых не менее 170 тысяч жило в перечисленных тридцати городах, а среднее население оставшихся 200 городов составляло 650 человек, то доля городских жителей – 12 %. Другие авторы предполагали, что в XIV веке в городах жило всего 5 % населения (например, Platt, *Medieval Town*, p. 15, на основе работы Лоуренса Стоуна), но эти цифры основаны на предположении, что в городах жило всего 150 тысяч человек. Только в сорока крупнейших городах жило около 190 тысяч человек (по списку Хоскинса). Так что реалистичнее предположение, что в городе жил каждый седьмой англичанин (14,3 %), как указано в Dyer, *Standards*, p. 23, или даже каждый пятый (20 %), как предполагается в Dyer, *Everyday Life*, XV

Городские дома

В городах живут самые разные люди – и, соответственно, дома, в которых они обитают, отличаются большим разнообразием. Самые красивые и престижные вы уже видели – они стоят на самых широких, больших и чистых улицах, которые практически всегда идут от главных ворот к центру города. Но не все горожане обитают в роскошных трехэтажных домах. Вы, безусловно, заметите и маленькие переулки, иногда всего шесть – семь футов шириной. Там темно, потому что балконы верхних этажей нависают над проезжей частью: между окнами третьих этажей домов, расположенных друг напротив друга, иной раз бывает всего три – четыре фута. В домах, стоящих в переулках, очень мало света, и, скорее всего, они не окружены даже самыми маленькими участками земли. Некоторые переулки больше напоминают грязные тропинки. Если слуг, чтобы убирать их, нет, а сами домовладельцы об этом не заботятся, то переулки очень быстро становятся мокрыми, вонючими и в целом не слишком приятными. Пройдитесь по такому переулку зимой в дождливый и туманный день, и ваше впечатление о богатстве и гражданской гордости развеется. Капли дождя падают в широкие грязные лужи, через которые вам придется как-то пробираться, а из-за почти полного отсутствия освещения (из-за туч, закрывших солнце, и нависающих над улицей домов) цветов вы практически не различите – все будет серым. А затем вы увидите струйки воды, текущие между ведрами требухи и кухонного мусора, выставленными возле дома; они несут жидкости, выделяемые гниющей едой, на улицу. Когда вы пройдете здесь в следующий раз, уже по засохшей грязи, то в ваши ноздри сразу ворвется гнилостный запах.

Эти двух- и трехэтажные дома находятся еще далеко не на самом дне «иерархии» зданий. Пройдя по нескольким темным переулкам, вы увидите, что от них ответвляются еще более узкие дорожки. Самое густонаселенное место города – районы из маленьких улочек и тропинок, которые иной раз в ширину всего три – четыре фута. Именно там вы найдете самые бедные дома: низкие одноэтажные террасы старых деревянных зданий без нормального фундамента, разделенные на комнаты, которые сдаются внаем. Возраст этих домов легко определить по ставням на окнах, висящим кривь и вкось, а то и вовсе отвалившимся. Кровельная щепа осыпается с крыш, заросших мхами и лишайниками и покрытых птичьим клеем. Тропинки и переулки, ведущие в эти трущобы, больше напоминают вонючие канавы – по сути, они одновременно служат еще и канализационной системой. Там стоят самые обветшалые дома в городе – но, поскольку они находятся не на главной улице и никак не угрожают «гражданской гордости» (потому что их не видят ни путешественники, ни богачи), городские власти не заставляют владельцев постоянно их ремонтировать. Если дверь открыта, то в полумраке вы, возможно, разглядите единственную комнату, разделенную на две неравные части: в маленькой спят дети, а в большой спят и готовят еду взрослые. Туалета часто нет – только ведро, которое выносят в Шитбрук. Жители этих домов практически все время проводят на работе; едят они на улице, а естественные нужды справляют где получится, в идеале – в муниципальных туалетах на городском мосту. Их дети тоже растут вне дома, играя на улице. Именно эти оборванцы окружили вас, когда вы только подошли к городским воротам.

Гуляя по улицам и переулкам средневекового города, вы неизбежно наткнетесь на высокую стену. Это не большая стена, окружающая все поселение, а какая-то из более мелких, стоящих вокруг монастыря или жилища богатого рыцаря, прелата или лорда. В большинстве городов территория собора тоже будет окружена стеной: в дневное время ворота открыты, но вот ночью внутрь не пускают никого. Старые монастыри, построенные еще в саксонские времена, обычно стоят в центре города. В любом городе есть хотя бы одно религиозное здание, окруженное стенами, а в некоторых городах их больше десятка. Из-за этого пространство в дефиците даже в сравнительно больших городах. Иногда для монастырей

и огороженных религиозных территорий выделяют до трети площади города. Добавьте к этому десятую часть для королевского дворца, примерно столько же – для приходских церквей, и станет ясно, что почти всему населению приходится помещаться на половине площади города, причем лучшие места занимают большие дома богачей. Приезжие, соответственно, ютятся в маленьких хижинах, построенных либо на месте снесенных старых домов, либо вдоль церковного двора. Очень немногим обитателям этих трущоб удастся скопить достаточно денег, чтобы перебраться в районы, где живут успешные торговцы и вольные горожане.

Вернитесь на рыночную площадь или главную торговую улицу города и оглядитесь вокруг. Обратите внимание: почти все дома узкие и высокие, редко шире пятнадцати – шестнадцати футов. Большинство из них трех- или четырехэтажные, со ставнями по обе стороны незастекленных окон. Раз дома узкие и высокие, значит, на рыночной площади их поместится больше, и, соответственно, на ней сможет работать больше торговцев и ремесленников. На первом этаже вы увидите большую дубовую дверь, ведущую внутрь. Рядом с дверью – витрина лавки. По ночам и в воскресенье ее закрывают, и больше всего она напоминает деревянную баррикаду на большом окне. Но вот в торговые часы нижнюю створку опускают, и она превращается в прилавок, а верхнюю – поднимают и закрепляют, чтобы она прикрывала товары от солнца и дождя. Внутри может располагаться мастерская – например, кожевника, ювелира, портного, сапожника или другого ремесленника. Другие торговцы – например, мясники или продавцы рыбы – обычно работают на улице, стоя перед витриной, а помещение лавки используют как склад. В любом случае торговец с семьей живет на верхних этажах того же дома. Только самые богатые купцы, специализирующиеся на торговле заморскими товарами, строят склады отдельно от жилищ. Благодаря такой тесной связи жилья и рабочих помещений многие лавки весьма богато отделаны: черепичные или шиферные крыши или торчащие резные балки. На некоторых домах даже вырезаны или нарисованы гербы или геральдические животные.

А потом вы зайдете за угол и увидите совсем другие дома – намного больше и стоящие боком к улице. Ваше внимание тут же привлечет остроконечное сторожевое здание с зубчатой башенкой или продолговатый деревянный дом с закрытыми балконами, нависающими над дорогой. Это дома самых богатых и важных горожан. Точно так же, как ремесленники группируются вместе – красильщики у водоема, торговцы тканью на Клот-стрит, мясники на Бутчерс-роу, – самые влиятельные жители города тоже живут поблизости друг от друга, на самых широких и длинных улицах. Там вы найдете дом крупного финансиста по соседству с жилищем рыцаря или архидьякона. В начале века эти дома были деревянными, но с течением времени их перестраивают, так что к 1400 году большинство богачей живут в красивых и надежных каменных зданиях с печными трубами и застекленными окнами. Именно поэтому, оказавшись на улице с богатыми домами, вы обязательно увидите рядом с несколькими из них строительные леса. Если приглядитесь поближе, то окажется, что леса сделаны из связанных друг с другом жердей из ольхи и ясеня, на которых лежат доски из тополя; на них с помощью системы лебедок поднимают камни и корзины с черепицей. Именно таким способом избавляются от обветшавших останков зданий XIII века, заменяя их новыми большими постройками.

Даже этими жилищами – от однокомнатных хижин в трущобах до высоких купеческих домов и широких каменных особняков, принадлежащих богачам, – не ограничивается разнообразие городских построек. Кроме них, есть, например, аккуратные дома каноников и других служащих из соборного квартала, где вы обязательно найдете не только жилые помещения, но и скрипторий, часовню и библиотеку. Если говорить конкретно об Эксетере, то там есть еще и королевский замок с древним сторожевым зданием (уже в 1372 году, когда замок посетил Черный принц, ему было больше трехсот лет). На главной улице стоит ратуша,

рядом с собором – дворец епископа, а за стеной собора – колледж певчих (которые исполняют мессу в соборе). Лучшие гостиницы с вывесками над широкими сводчатыми воротами стоят на главных улицах. В башнях сторожевого здания живут некоторые гражданские служащие. Если же говорить о низах общества, то для приезжих иной раз выделяют спальные места в амбарах и конюшнях, щедро рассыпанных по всему городу. Многие дома сдают в субаренду, так что в трех старых купеческих домах запросто может размещаться с десяток бедных семей. Кроме того, существуют еще монастырские гостиницы, дома призрения и богадельни. А когда вы покинете город и выйдете в предместья, то не сможете отделаться от мысли, что, хотя людей в городах живет сравнительно мало, разнообразие построек намного больше, чем в любом современном городе – несмотря на то что население там в двадцать – тридцать раз больше.

И последнее. Прежде чем уйти, обернитесь и в последний раз окиньте взглядом главную улицу. Вы заметили, что дороги – чуть ли не единственные общественные места? Нет ни публичных парков, ни садов; большие открытые площади, не используемые в качестве рынков, для Англии тоже редкость. Улица – единственное место, доступное абсолютно всем. В ратуше могут собираться только вольные горожане, в приходской церкви – только прихожане. Когда люди собираются в больших количествах, обычное место встречи – именно улицы, зачастую – базарные площади или перекрестки. Именно там сообщают новости глашатаи, выступают жонглеры и проповедуют монахи. Но рыночная площадь – лишь центральная точка разветвленной сети разговоров. Слухи распускают люди, встречающиеся в переулках и на аллеях, в лавках, на самом рынке или у фонтанов с водой. Средневековый город – это не только здания, но и пространство между ними.

Лондон

Путешествие в средневековую Англию не будет полным, если не посетить Лондон. Это не только крупнейший город Англии, но и самый богатый, энергичный, загрязненный, вонючий, сильный, разноцветный, жестокий и разнообразный. В течение большей части столетия в соседнем городе Вестминстере, соединенном с Лондоном длинной и богато украшенной улицей Стренд, постоянно заседает английское правительство. Если точнее, Вестминстер стал постоянным местом заседаний английского правительства. В 1300 году правительство все еще было «странствующим» – чиновники следовали за королем в его путешествиях. Но с 1337 года Эдуард III начал размещать гражданских служащих в одном месте – в Вестминстере. Его канцлер, казначей и другие государственные чиновники издают документы в конторах, для которых определены постоянные места. После последнего заседания в Йорке (1335) парламент тоже обычно собирается в Вестминстере. Ричард II устроил шесть из двадцати четырех заседаний парламента, прошедших при нем, в других местах (Глостере, Нортгемптоне, Солсбери, Кембридже, Винчестере и Шрусбери), но это лишь укрепило всех в мысли, что Вестминстер – лучшее место для заседаний парламента, к тому же тогда их легче будет посетить простолюдинам. Все эти новшества, а также связи Лондона с европейскими торговцами и банкирами лишь упрочили положение столицы. Ее важность как экономического и политического центра к концу века выше, чем у всех остальных английских городов, вместе взятых.

Гостей Лондона поражает увиденное: огромное количество домов, лавок, широких улиц (шире двадцати футов) и рынков. Они рассказывают о лебедях, изящно плывущих вверх по реке, и о белых арках Лондонского моста. Их завораживает вид сотен маленьких лодочек, снующих по Темзе. Днем на пристанях идет кипучая деятельность, связанная как с местной, так и с международной торговлей, – в порт заходят корабли водоизмещением до сотен тонн, везущие купцов и товары даже из Балтийского или Средиземного моря. Не меньшее внимание приезжих привлекают и огромные толпы. К 40 тысячам постоянных обитателей столицы присоединяются путешественники и деловые люди из всех уголков христианского мира. Очень многие из них одеты в роскошные бархатные, атласные и камчатные костюмы, так что вам остается лишь таращиться на их одежды, смотря, как они в сопровождении слуг выходят из одной лавки и заходят в другую.

Лондон – город огромных контрастов, как, собственно, и любой другой большой город. На улицах – даже на главных – там и сям стоят бочки с тухлой водой, якобы на случай пожара, но куда чаще в них кидают гниющий мусор. Несколько улиц, на которых осталось хотя бы подобие покрытия, настолько плохо вымощены, что булыжники способствуют скорее сохранению луж, чем безопасному проезду. На остальных улицах глубокая грязь сохраняется вообще круглый год. Лондонцы, несомненно, скажут вам, насколько зловонна эта грязь после прошедшего дождя (как будто вы сами этого не чувствуете). Тем не менее это еще далеко не худшие проблемы Лондона. Вонь от куч навоза, гнилых овощей, останков рыбы и внутренностей животных создает санитарные проблемы таких масштабов, которые невозможно представить в других английских городах. Постоянно в городе обитают 40 тысяч человек, а временами там бывает сразу 100 тысяч, и всем им требуется есть и опорожнять кишечник; ни один город, где нет централизованной системы канализации, не справился бы. Крыс вы увидите повсюду. Город просто кишит ими. Помоев столько, особенно в канавах, что в них постоянно живут собаки и свиньи. Избавиться от диких свиней пытаются часто, но каждая следующая попытка – лишь свидетельство провала предыдущей. Если даже от свиней не получается избавиться, что уж говорить о крысах?

Главная проблема – размеры. Лондон – окруженный стенами город, который начал поглощать пригороды. В нем более ста перенаселенных церковных приходов. Даже после Великой чумы 1348–1349 годов, когда умирало по двести лондонцев в день, им на смену постоянно приезжали новые люди из деревень. Соответственно, поток мусора, производимого человеком, просто не прекращается. Постоянно растет и спрос на новые товары. Лондон – крупный производственный центр, так что он, помимо всего прочего, потребляет тысячи туш и шкур животных. Самый простой метод их транспортировки – пригонять живьем, но это означает, что ежедневно прямо в жилых кварталах Лондона забивают, свежуют и разделывают тысячи туш. В начале века вы увидите, как дубильщики кожи (а от дубления запах идет сильнейший) работают прямо рядом с жилыми домами. Торговцы шкурами и сукновалы тоже сидят прямо на улицах, рядом с торговцами пряностями и аптекарями. Представьте, что парфюмерный отдел в магазине расположили рядом с рыбным, и поймете, насколько силен конфликт запахов. Правда, в Средние века было еще хуже, потому что запах гниющего мяса однозначно ассоциировался с болезнями, причем во многих случаях – справедливо. Понять, насколько все было ужасно, можно по одному закону 1355 года: власти Лондона приказали не бросать экскременты в ров вокруг Флитской тюрьмы, опасаясь за здоровье заключенных.

Впрочем, состояние Лондона постепенно улучшается. В основном – благодаря сменявшимся друг друга мэрам и олдерменам, приложившим немалые усилия по организации уборки улиц. Первым шагом стало назначение официальных охотников на свиней, которые получали по 4 пенса за каждое убитое животное. В 1309 году стали накладывать штрафы на лондонцев, которые оставляли на улицах человеческие или животные экскременты: 40 пенсов за первое нарушение, 80 – за второе. В 1310 году портным и торговцам шкурами запретили скоблить кожи на главных улицах в дневные часы под угрозой тюремного заключения. На следующий год запретили снимать шкуры с мертвых лошадей в черте города. С 1357 года действуют правила, запрещающие оставлять навоз, коробки и пустые бочки у дверей домов, а также бросать мусор в Темзу и Флит – последняя к тому времени была почти полностью запружена. В 1371 году в городе полностью запретили забой любых крупных животных (в том числе овец); с тех самых пор их отводили на убой к Стратфорд-Боу или Найтсбриджу. Наконец, после принятия Кембриджского статута в 1388 году любой, кто бросает «навоз, мусор, внутренности и прочие нечистоты» в канавы, пруды, озера и реки, наказывался штрафом в 20 фунтов, уплачиваемым в казну короля. Благодаря этому законодательному акту наконец появилась идея парламентской ответственности за общественную гигиену, причем, особенно в случае с Лондоном, – как раз вовремя.

Теперь забудьте ненадолго (если, конечно, сможете) ужасные запахи и кучи мусора на улицах города и подумайте и о его достоинствах. Посмотрите, сколько здесь ювелиров, работающих с золотом и серебром, сколько лавок торгуют пряностями, сколько торговцев продают шелк. Некоторые люди скажут, что Лондон – великий город, потому что в нем можно найти лекарства от любой болезни. Здесь, безусловно, больше врачей, хирургов и аптекарей, чем в любом другом городе Англии. Вы найдете здесь даже систему трубопроводов общественного водоснабжения – хотя давление в трубах бывает очень низким из-за отводов в частные дома. В некоторых особых случаях в водопровод даже пускают вино – например, в 1357 году, когда в Лондон привезли пленного французского короля, или в 1399-м – в честь коронации Генриха IV.

ДЕСЯТЬ МЕСТ, КОТОРЫЕ СТОИТ УВИДЕТЬ В ЛОНДОНЕ

1. Лондонский мост. Девятнадцать огромных арок над Темзой – чудо инженерной мысли королевства. В ширину он составляет 28 футов; здания занимают по 7 футов с каждой стороны. Они выдаются над рекой еще на 7 футов и закреплены консолями; на первых

этажах располагаются лавки, войти в которые можно с моста, выше – дома торговцев. Посередине располагается часовня Св. Фомы, а ближе к южной оконечности – подвесной мост, обеспечивающий безопасность города. Остерегайтесь бурных потоков между арками, когда прилив сменяется отливом и наоборот; молодые смельчаки заключают друг с другом пари, что сумеют преодолеть их на весельных лодках.

2. Собор Св. Павла. Эта церковь, построенная еще в XII веке и недавно расширенная (реконструкция завершилась в 1314 году), – одна из самых впечатляющих во всей стране. Ее длина составляет 585 футов – третья во всем христианском мире. Ее 489-футовый шпиль – второй по высоте в Англии, намного выше, чем в Солсбери (404 фута), и уступает только Линкольнскому собору (535 футов). Но забудьте о статистике: достопримечательностью Лондона собор стал благодаря своей красоте – особенно окну-розе на восточной оконечности и зданию капитула.

3. Королевский дворец в Тауэре. Вы, конечно, знаете Белую башню, большое здание, построенное еще Вильгельмом Завоевателем, но большая часть замка – в том числе ров – на самом деле датируется XIII веком. Здесь вы найдете огромный королевский дворец: большую залу, королевский соляр (личная комната монарха) и множество покоев для лордов. Там же располагаются королевский монетный двор, библиотека и зоосад. В конце 30-х годов XIV века Эдуард III поселил там свою «коллекцию» львов, леопардов и других больших кошек, которая постоянно пополнялась новыми животными.

4. Лондонская стена. Все большие города окружены стеной, но стена Лондона уникальна. Она 18 футов высотой, и в ней целых семь больших ворот со сторожевыми зданиями: Ладгейт, Ньюгейт, Олдерсгейт, Крипплгейт, Бишопсгейт, Олдгейт и Бриджгейт (последние ведут к Лондонскому мосту). Они обеспечивают безопасность города по ночам, их огромные дубовые двери запираются на тяжелые засовы. Во время войны горожане могут оборонять свой город, словно огромный замок.

5. Смитфилд, располагающийся прямо за городскими стенами, – главный мясной рынок города. Не стоит и говорить, что именно здесь люди регулярно встречаются, приходя за покупками. Впрочем, еще больше народу собирается сюда на ежегодную трехдневную ярмарку, которая начинается в Варфоломеев день (24 августа). Поскольку Смитфилд («Кузнечное поле») вполне оправдывает свое название, это поле отлично подходит для рыцарских поединков и турниров.

6. Стренд идет от моста через Флит, что рядом с Ладгейтом, вдоль северного берега Темзы к Вестминстеру. Именно со Стренда средневековому путешественнику открываются лучшие виды Темзы; но, кроме этого, именно там расположены самые престижные дома. На этой улице стоят дворцы нескольких епископов. Самое впечатляющее здание из всех – Савой, королевский дворец, где в детстве жил Эдуард III. Позже Эдуард передал его в наследство сыну, Джону Гонту, который превратил Савой в самый удивительный городской дом во всем королевстве. Правда, во время восстания Уота Тайлера (1381) его сожгли дотла, и до конца века Савой оставался лишь выжженной оболочкой прежней роскоши.

7. Вестминстерский дворец. Древний зал, построенный еще в XI веке, видел множество знаменитых пиров. В последнее десятилетие XIV века Ричард II заменил старую крышу, которую поддерживали колонны, новой удивительной односкатной деревянной крышей, одним из самых поразительных достижений плотницкого искусства всех времен – в ее создании принял участие великий архитектор Генри Иевель. На другой стороне внутреннего двора вы увидите колокольню Эдуарда III, построенную в 1367 году, – ее тоже проектировал Иевель. Колокол под названием «Эдуард», висящий в часовне, весит чуть больше 4 тонн – это прямой предшественник Биг-Бена. Здесь же расположены главные палаты правительства: Расписная палата, Маркольфова палата и Белая палата (там проводят заседания парламента), Министерство финансов, королевский судный двор и королевская часовня (Св.

Стефана). Здесь же вы найдете личные покои королей, Дворец принца (резиденцию принца Уэльского), Дворец королевы Элеоноры и, что важнее всего, Личный дворец, где король проводит время с семьей и фаворитами. Эдуард II выделял здесь комнату для своего друга Пирса Гавестона, королева Изабелла – для Роджера Мортимера.

8. Церковь Вестминстерского аббатства была практически полностью перестроена Генрихом III в XIII веке.

Он потратил на это 41 000 фунтов, благодаря чему церковь стала вторым самым дорогим зданием во всей средневековой Англии³. В ней похоронен сам Генрих III и два его наследника, правившие уже в XIV веке: Эдуард I (ум. 1307) и Эдуард III (ум. 1377). Здесь же стоит и законченная, но пустая гробница Ричарда II (ум. 1399) – перезахоронят его только при Генрихе V. Обратите внимание на великолепные картины на стенах, не дожившие до нынешнего времени. Не забудьте также дойти до алтаря св. Эдуарда Исповедника, украшенного золотыми пластинами и инкрустированного драгоценными камнями.

9. Тайберн. В большинстве городов воров и убийц казнят около ворот замка. В Лондоне же все по-другому. Воров вешают на перекрестке Тайберн-роуд (будущей Оксфорд-стрит) и Уотлинг-стрит (она в будущем станет Эджвер-роуд). Там, под высокими вязами, на берегу ручья Тайберн стоит виселица, причем не простаивает – казни проходят почти каждый день. Больше всего народу приходит на казнь высокопоставленных государственных изменников. Роджера Мортимера казнили здесь в 1330 году, и его обнаженное тело еще два дня провисело в петле.

10. Саутуоркские бани популярны у туристов по совсем другим причинам. Проституткам разрешается работать только на одной лондонской улице – Кок-лейн.

Поэтому лондонцы и гости столицы предпочитают бани в Саутуорке, на другом берегу реки. Там мужчины могут поесть, выпить, принять ванну с ароматическими маслами и провести время в женской компании. В 1374 году таких «бань» восемнадцать, всеми ими управляют фламандские женщины. Вопреки вашим ожиданиям, частых посетителей бань практически не клеймят позором: венерических болезней в Англии очень мало, а брачные договоры требуют верности только от женщины – мужчина может делать все что пожелает. Некоторые священники, конечно, резко критикуют такие аморальные делишки, но очень немногие из них прямо упоминают Саутуорк. Большинство зданий, где устроены бани, принадлежат епископу Винчестера.

³ Больше потратил только Эдуард III на перестройку Виндзорского замка. См. Brown, Colvin and Taylor, History of the King's Works, i, p. 157.

Маленькие города

Вы, наверное, подумаете, что небольшое поселение с тремя – четырьмя улицами, примерно сотней домов и двадцатью конюшнями не заслуживает наименования «город». Скорее всего, вы назовете его деревней, причем довольно маленькой – население таких городов иной раз не превышает пятисот человек. Вы даже не всегда ошибетесь: многие поселения такого размера действительно лучше назвать деревнями. Но другие – это именно города, и иначе назвать их нельзя. Главная отличительная черта – рынок.

Все причины, по которым большой город жизненно важен для своих окрестностей, подходят и для маленьких городков. Если в городе есть рынок, то люди станут туда приходить, чтобы покупать и продавать. Фермерам регулярно требуются новые лемеха для плугов, за которыми приходится идти в город. Кроме того, им необходимо продавать скот и зерно. Им же (или их женам) нужны бронзовые или медные сосуды для приготовления пищи, соль, свечи, иглы, кожаные изделия и прочие товары. Если вы живете в далеком поместье, милях в двадцати пяти от ближайшего «сити», вам вряд ли захочется туда идти, чтобы купить какую-нибудь мелочь вроде нескольких гвоздей, чтобы починить сломанные козлы. Вам понадобится два дня, чтобы сходить туда-обратно, да еще и деньги на ночевку. Именно для этого и нужны небольшие торговые города – к 1300 году практически любой уголок Англии находится максимум в восьми милях от ближайшего рынка, а большая часть страны – в шести. Это куда удобнее для человека, которому нужно всего несколько гвоздей или новый лемех.

Маленькие городки в средневековой Англии не похожи ни на «сити», ни на большие города. У них нет восемнадцатифутовых крепостных стен. У них нет сторожевых зданий. Они строятся вокруг рынка: с одной стороны (обычно на востоке) стоит приходская церковь, а границей служат сами дома и заборы, стоящие вокруг садов и огородов. Центр города – рыночная площадь. Другие главные здания, не считая церкви, – особняк помещика, дом приходского священника или викария и гостиницы. Ратуши вы тут не найдете, равно как и монастыря, хотя, возможно, будет богадельня, где находят приют бедные путешественники. Если богадельни нет, то примерно ту же функцию выполняет церковный дом.

Улицы грязные, ухабистые и неровные. В центре каждой улицы проходит канава, куда горожане и посетители рынков сбрасывают всякий мусор. Как и на рыночной площади, на улицах стоят кое-как построенные деревянные дома. С годами ряды рыночных лотков превратились в ряды двух – трехэтажных домов, в которых торговцы и работают, и живут. Внешней территории у таких домов практически нет. Из-за этого даже самые маленькие города застраиваются очень плотно, а когда-то просторная рыночная площадь превращается в сеть узких переулков. Жесткие приказы, запрещающие проводить зловонные работы на главных улицах, в маленьких городах не действуют. Так что, заглянув в мастерскую, вы вполне можете увидеть, как внутренности животных просто бросают в ведро. Обычно, в отличие от крупных городов, нет здесь и правил, запрещающих крыть крыши соломой. Соответственно, ряды дешевых домиков с соломенной крышей на рыночной площади очень пожароопасны: их строят из дерева, а стены у них глинобитные – из смеси глины, соломы, навоза и шерсти. Стоит загореться одному, пламя тут же перекидывается сразу на весь ряд. Впрочем, совсем не удивительно, что после таких возгораний лорд просто строит ряд новых точно таких же домиков взамен старых. Через несколько месяцев улицы снова завалены мусором, а переулки частично перегорожены пустыми бочками и сломанными ящиками. О пожаре уже все забыли.

Маленькие города – не просто грязные прыщики на теле средневековой страны. Во всех них хотя бы отчасти сохранилась исходная открытая базарная площадь, и летом, когда все лотки расставлены, а лавки открыты, когда солнце освещает деревянные витрины, города

воспринимаются совсем по-другому. Размеры толпы, собирающейся в базарный день, впечатлят вас: в город является несколько сотен людей с ферм и поместий, расположенных в близлежащих приходах. Кроме того, вы встретите там путешественников и странствующих торговцев, переезжающих с рынка на рынок. Все одеты в яркую одежду, на улице слышна музыка. Гостиницы и пивные переполнены; повсюду смех, крики и болтовня, и все с гордостью хвастаются своими лошадьми. Но прежде всего вас захватит атмосфера всеобщего возбуждения, и вы окончательно поймете, что это небольшое поселение из ста домов – не просто провинциальный аванпост торгового мира, а важная и неотъемлемая его часть. В базарный день в этом месте начинается суматоха – торговля, разговоры, обмен слухами и новостями, – пусть так и происходит всего раз в неделю.

Сельская местность

Летом дороги покрыты пылью. Неторопливо движутся телеги и вьючные лошади, их обгоняют группы пешеходов, а иногда – скачущий галопом гонец. Если вы оторветесь от собратьев-путешественников, то на дороге внезапно воцарится тишина. Слышно будет разве что пение птиц, гул и скрип тележных колес и, может быть, журчание ручья или реки. Ваше внимание привлекут далекие холмы и поля.

В современном мире английское поле – это небольшой квадратный участок земли площадью от двух до десяти акров. Вы привыкли видеть холмы, покрытые этими участками, словно лоскутным одеялом. В XIV же веке всё по-другому. На большей части территории страны – практически везде, кроме Девона, Корнуолла, частично Кента и Эссекса и северо-запада, – вам встретятся огромные поля неправильной формы площадью от 700 до 1200 акров, без всяких изгородей, заборов или стен. На каждом поле выделены отдельные участки земли площадью около акра, которые возделывают арендаторы: можно сказать, что поле состоит из огромного числа огородов. Участки группируются в фарлонги (не путайте их с более современной мерой длины), а фарлонги окружены межами (тропинками). На школьных уроках истории вы, скорее всего, слышали, что одно из двух или трех полей каждые два или три года оставляют под пар, но, как вы видите, под пар оставляют не все огромное поле целиком, а отдельные фарлонги. На двух из каждых трех фарлонгов выращивают злаки – в основном пшеницу, овес и ячмень, – но третий фарлонг оставляют невспаханным, и там пасутся коровы, овцы, козы и свиньи.

Вокруг этих огромных полей, ограниченных канавами и земляными валами, располагаются общественные пастбища для овец, или рощи, откуда берут хворост и строительные материалы, или широкие низинные луга, где выращивают сено. Пастбища и луга можно найти в Англии повсюду – сотни акров на возвышенностях и плоскогорьях отданы под овечьи пастбища. Там и тут вы увидите небольшие поля, иногда огороженные каменными стенами или рвом, насыпью и изгородью, где животных держат зимой. Но подобные стены и высокие изгороди редки. Вы можете запросто сойти с большака на траву и выйти прямо в поле. Многие пасущиеся животные именно так и поступают, растапывая посадки – к вящему неудовольствию жителей деревни и к позору человека, назначенного ответственным за заборы и изгороди (*hayward*): защита полей и грядок – его основная задача.

Вопреки вашим ожиданиям, лесов в Средние века не намного больше, чем в современном мире, – они занимают примерно процентов семь от общей площади страны. С другой стороны, едва ли не за каждым дюймо́м средневекового леса тщательно ухаживают. Некоторые места отгораживают для саженцев и окружают высокими насыпями с изгородями наверху, чтобы олени и другие животные не поели новые побеги. Из деревьев, выращиваемых в искусственных рощинах, делают шесты для углежогов, перекладины для заборов, посохи или просто рубят для растопки. В других местах деревья разводят на древесину; место вокруг них расчищают, чтобы они росли прямыми и высокими. Большие дубы очень ценны: из них можно сделать длинные балки, которые поддерживают, например, широкие крыши. На земле упавших деревьев сравнительно мало, особенно в лесах, где неподалеку деревни. Владельцы поместий часто дают право арендаторам собирать упавшие ветки и целые деревья, и те выбирают все подчистую, до последней веточки. В некоторых районах это вообще единственный способ набрать достаточно топлива для долгой зимы. Если деревьев и веток падает больше, чем необходимо местным арендаторам земли, права на их сбор

продают. Когда лес в Лестере становится непроходимым, лорд назначает цену в 1 пенс за шесть телег древесины. После этого лес очень быстро расчищают⁴.

Вы, возможно, еще кое-что заметите (или, скорее, не заметите), пробираясь через лес. Где хвойные деревья? В средневековой Англии растут всего три хвойных дерева – сосна, тис и можжевельник, причем можжевельник – это скорее кустарник, чем настоящее дерево. Вечнозеленых деревьев очень мало – широко распространен только падуб, – так что зимой лес выглядит особенно мрачно. Большинство видов сосен, елей, лиственниц, кедров, кипарисов и пихт, которые вы можете вспомнить, в лесах не растет. Если вы увидите сосновые, еловые или пихтовые доски в замке лорда и вам станет интересно, откуда они взялись, то вам ответят, что они из Скандинавии – хвойную древесину завозят из-за рубежа⁵. Не найдете вы и каменных дубов, красных дубов, красного дерева, церов или конских каштанов. В Англии растут деревья, завезенные в бронзовый век, в римский период или снова выросшие на Британских островах после последнего оледенения: рябина, ясень, ольха, полевой клен, лещина, каштан, рябина ария, осина, некоторые виды тополя, повислая береза, бук, липа, грецкий орех, ива, вяз и граб. И, естественно, старые добрые дубы. Широко распространены обе формы дуба: «сидячий» скальный дуб, встречающийся в холмистых областях, и намного более ценный черешчатый дуб, из которого строят дома и корабли⁶.

Раз уж вы внимательно пригляделись к пейзажу, то наверняка обратили внимание и на другие нюансы. Белка, которую вы заметили на ветках ближайшего дерева, – рыжая: серая белка до Британии еще не добралась. Коровы в полях меньше, чем их современные родичи, – причем намного меньше. Как и овцы. Программы по выведению больших сельскохозяйственных животных начнутся только через несколько веков. Лишайники, свисающие с веток над дорогой, скорее всего, будут вам незнакомы: в незагрязненном воздухе выживает куда больше разных видов. Когда наступят сумерки, а до следующего города еще далеко, вы наверняка даже задумаетесь, остались ли в Англии волки. Не сомневайтесь – не остались. Скорее всего. Современные источники говорят, что последнего волка в Англии убили в Северном Ланкашире в XIV веке, но вы вряд ли его встретите. Ральф Хигден, житель Честера, в 1340 году написал, что в Англии осталось «мало волков»⁷. Последнее руководство по отлову и убийству волков датировано еще 1289 годом, так что, если вам хочется повстречать аборигенного дикого волка, отправляйтесь на нагорья Шотландии. В охотничьих парках аристократов еще сохранились дикие кабаны, но и они практически истреблены, так что шансы, что вас выпотрошит кабан, мизерны. Единственное по-настоящему опасное живое существо, которое можно встретить в лесах Англии XIV века, – это... да, правильно, человек. Группы вооруженных людей, например банды Фольвиля и Котереля, шныряют по лесным дорогам в поисках одиноких путников, которых легко ограбить. Но об этом мы подробнее поговорим в главе о законе и порядке, а не здесь.

⁴ Этот пример взят из XIII века. См. Scott (ed.), *Every One a Witness*, p. 42.

⁵ Генрих III завозил пихтовые доски из Норвегии в предыдущем столетии. См. Wood, *Medieval House*, pp. 395–396.

⁶ Подробности о деревьях взяты из Salzman, *Building* (в основном из 16-й главы), Esmond and Jeannette Harris, *Guinness Book of Trees*, и Cantor, *Medieval Landscape*, p. 63. Вяз (о которых в книгах не говорится) упоминается в Riley (ed.), *Memorials*: в 1314 году близ стен Лондона срубили вяз. Кроме того, в XII веке вязы росли в Смитфил-де (Morley, *Bartholomew Fair*, p. 9) и в Тайберне.

⁷ Цитата по Coulton (ed.), *Social Life*, p. 2.

Меняющийся ландшафт

Распространенное заблуждение – будто сельская местность в Англии вообще не меняется. Мы часто слышим поговорку «старый как холмы» (*as old as the hills*). Но даже эти холмы постепенно меняются. Некоторые из них очищают от растительности и распахивают. Некоторые – огораживают, чтобы эффективнее располагать большие отары овец. Пологие склоны, где раньше растили овес, тщательно удобряют навозом, чтобы можно было выращивать там пшеницу. Меняются и равнины. Фенские болота в Линкольншире, Сомерсетские топи болото Ромней теперь намного меньше, чем были: с помощью длинных дренажных канав у болота удалось отвоевать целые квадратные мили земли. Там, где раньше ловили угрей, теперь растут пшеница, овес и ячмень.

Перемены в средневековом ландшафте обусловлены многими факторами, причем не все из них – человеческого происхождения. Например, засорение рек илом может сильно повлиять на экономическое развитие и торговлю в регионе. Процветающий порт быстро превращается в город-призрак, что не может не сказаться негативно на окрестностях и дорогах. Похожие последствия имеет и береговая эрозия. В начале века город Данвич в Восточной Англии был одним из важнейших портов страны. Там размещались бенедиктинский монастырь, два мужских монастыря, шесть приходских церквей, две небольшие часовни и даже церковь, принадлежавшая тамплиерам. Но если вы прибудете туда в январе 1328 года, будьте осторожны: ужасный шторм в ночь на 14-е число уничтожит часть города и полностью заблокирует гавань песком и галькой. После этого Данвич лишится всякого значения для судоходства. Если вы проживете в городе еще лет двадцать, то увидите, как страдают выжившие горожане, отчаянно пытаясь справиться с экономическими потерями из-за уничтожения гавани. В 1347 году еще один могучий шторм снесет четыреста домов и две приходские церкви. Перенеситесь туда, и услышите грохот зданий, падающих в море, и крики перепуганных жителей, безуспешно пытающихся выбраться из-под груды бревен и выплыть из бурного моря.

Изменения климата – еще один фактор, влияющий на ландшафт. В начале века довольно часто встречается английское вино. Короли и многие аристократы держат огромные виноградники. Но прошло всего сто лет, и к 1400 году виноградники в Англии исчезли. Среднегодовая температура упала примерно на один градус Цельсия. С виду разница кажется не слишком большой, но вот на некоторых поселениях это сказывается очень пагубно. Погода становится чуть-чуть холоднее, в том числе – когда собираются дождевые тучи. Увеличение числа осадков приводит к затоплению дорог и порче посевов. В 1315–1317 годах, во время ужасного Великого голода (ставшего следствием долгих и обильных дождей), животные буквально тонули на затопленных пастбищах. Кроме того, наводнения приводят к большему распространению паразитов и болезней растений. Если вы окажетесь в любой части Англии во время Великого голода, то увидите, как крестьяне копают и подновляют каналы, надеясь сохранить посевы. Многим этого не удастся, и целые семьи умирают из-за болезней, связанных с недоеданием. Чем меньше людей способны возделывать землю, тем большую часть полей приходится бросать. Так что даже небольшое изменение среднегодовой температуры может привести к огромным переменам в сельской местности.

Впрочем, самый главный фактор, влияющий на ландшафт, – болезни. С 1348 года эпидемии чумы лишили сельские поместья такого количества населения, что изменился весь процесс ухода за землей. Причем дело не только в людях, умерших от болезней. Если в поместье внезапно умирает треть работников, то лорд недополучает треть ренты. После этого лорд может потребовать, чтобы оставшиеся арендаторы работали вдвое усерднее. Но если он им не платит, а соседний помещик, которому требуются работники, предлагает хорошие

деньги за помощь в сборе урожая, то они просто уйдут к этому помещику вместе с семьями, «забыв» о договоре с прежним лордом, хоть это и незаконно. Так что помещик может запросто потерять не треть или половину рабочей силы, а вообще всех работников сразу. Оставшись с бесполезной землей, которую никто не обрабатывает, он неизбежно задумается, как на ней заработать. Одно возможное решение – вообще забыть о пахотной земле и отдать все поместье под пастбище для большого стада овец. Именно так всего за несколько лет несколько тысяч акров злаковых полей вокруг деревни превращаются в травянистые равнины, а развалины церковной башни останутся единственным напоминанием о том, что здесь когда-то жило много людей.

Деревни

К концу века заброшенными и разрушенными оказались более тысячи деревень. Так что визит в Англию в 1300 году будет выглядеть совсем иначе, чем в 1400. Даже процветающие поселения пострадали от Великой чумы 1348–1349 годов (или Черной смерти, как мы ее называем). В 50-х и 60-х годах XIV века на окраинах большинства деревень стоят заброшенные дома.

Их потихоньку разбирают, ибо древесина ценна, так что глинобитные стены рушатся, падая в грязь или на буйно разросшуюся траву и сорняки. В некоторых местах прихожане уже не могут себе позволить полного ремонта когда-то величественной церкви. Вместо того чтобы заменить крышу придела или часовни, они просто разбирают стены и укрепляют арки, уменьшая церковь до размеров, соответствующих их запросам и бюджету.

Деревня XIV века отнюдь не живописна. Забудьте открыточные изображения цветов в горшках у дверей старинных коттеджей с соломенными крышами. Деревни выглядят абсолютно беспорядочно – особенно с точки зрения планировки. У первого дома, который вы увидите, стены, возможно, низкие, из выбеленной глиняной смеси и с узкими окнами, на которых стоят внешние ставни. Широкая соломенная крыша начинается примерно на уровне груди и заканчивается на высоте 25 футов или даже выше. Дым из печи выходит через грубо сделанное в гребне крыши треугольное отверстие – своеобразную вентиляцию. Сама солома – скорее всего, покрытая мхами и лишайниками – выступает над стенами на добрые 18 дюймов, так что здание словно смотрит на вас исподлобья. Булыжники, которыми замостили площадь вокруг дома, неровные и уже частично утонули в грязи. Дом и сад окружены невысоким забором. Рядом с домом стоят бочки для дождевой воды и лежат кучи дров. Чуть поодаль – хижина, где находятся туалет, телега для работы, остатки сломанной телеги, еще одна телега для перевозки сена, конюшня, гусятник, курятник, амбар и, возможно, небольшая пивоварня и пекарня.

Посмотрев несколько минут на это нагромождение, вы постепенно начнете понимать, как организована вся территория, в том числе сад. Дрова лежат в непосредственной близости от дома. Туалет – вонючая дырка в земле – тоже близко (но не слишком близко) от двери. Крыша так далеко выступает за стены и дверь, чтобы защитить их от дождя и снега, потому что стены сделаны из смеси глины, соломы и навоза. Курятник и гусятник располагаются именно так для того, чтобы защитить птиц от лис и других ночных хищников. Сломанную телегу оставили, чтобы починить или разобрать окончательно и использовать еще для чего-нибудь: принцип «повторного использования» применяется в средневековой Англии почти ко всему. В саду на заднем дворе владелец дома выращивает овощи и травы. Бочки расставлены таким образом, чтобы собирать дождевую воду – самую чистую доступную воду, – стекающую с крыши. Постепенно вы поймете, что эстетика здесь совершенно иная. Чтобы украсить средневековый дом, не нужен горшок с цветами. В глазах средневекового земледельца главная красота – это иметь рядом всё необходимое. Для семьи, живущей в этом доме, красота – это дым, выходящий из отверстий в крыше, и несколько полениц, ждущих своей очереди на улице.

Разобравшись в эстетической разнице между современным представлением о комфорте и практической стороной жизни в XIV столетии, вы постепенно начнете понимать, почему деревня выглядит именно так. Практичность важнее красоты, так что она сама по себе становится идеалом и образцом красоты. Да, дома расставлены беспорядочно, словно фундаментом им служат гигантские игральные карты, которые дьявол, проходя мимо и на что-то разозлившись, бросил через плечо. Тем не менее дома расставлены именно так не без причины. Многие из них стоят рядом с выделенными хозяевам участками на открытом поле,

чтобы легче было добираться туда на воловьей упряжке. Мельница стоит именно на этом месте потому, что там течет река. Другие дома стоят именно там потому, что неподалеку колодцы, или потому что зимой в этом месте замерзает река, или потому что некоторые места слишком часто заливают. Деревня разрастается в полном соответствии с необходимостью. Теперь вы понимаете, почему средневековые прихожане без всяких угрызений совести разбирают один из приделов церкви, когда уменьшается население. Гармоничная симметрия церкви, конечно, нарушается, но небольшое здание лучше подходит для небольшого населения, и в этом тоже есть своя гармония.

По прибытии в любую английскую деревню у вас создается впечатление, что практически все дома одинаковы. Стоят ли они по отдельности или группой, почти все деревенские дома одноэтажные, а между передней и задней стеной не больше 16 футов – «глубина» всех средневековых домов составляет всего одну комнату. Кроме того, все деревенские дома строятся и покрываются крышей в одном стиле. Однако если взглянуть на ситуацию шире, то «одинаковость» окажется лишь иллюзией. Дома различаются и по размерам, и по назначению, и по способу строительства. И, конечно, о региональных различиях тоже забывать не стоит. В некоторых районах страны камень достать намного легче, чем дуб. В Дартмуре, где большие доски перевозить почти невозможно, но зато много камня, люди живут в гранитных домах, покрывая их камышами или папоротником-орляком, которые приходится ежегодно менять. Кое-где в Корнуолле дома строят из сланцевых блоков, а крыши – из сланцевых плит. В Кенте каркасы небольшого, но заметного числа домов строят из вяза. Впрочем, в большинстве регионов каменные здания – это символы высокого положения. Рабочий люд живет в каркасных домах с соломенными крышами.

Длина большинства деревенских домов составляет от 25 до 40 футов; впрочем, встречаются и квадратные однокомнатные коттеджи, и 60-футовые дома йоменов. Последние – довольно красивые двухпролетные холлы с двухэтажными флигелями с обеих сторон и множеством надворных построек. С другой стороны, вдова вполне может жить в одноэтажном однокомнатном здании площадью всего 13 квадратных футов с крыльцом и курятником у черного хода. В некоторых регионах, в частности в Уэст-Кантри, вы найдете даже длинные дома; они могут быть в длину до 90 футов: в одном конце размещается скот, в другом – крестьянин с семьей. Помните, что в таких удаленных районах деревня может представлять собой не группу домов, а несколько разрозненных ферм, из которых лишь горстка находится в прямой видимости от приходской церкви.

В начале XIV века здания строят зачастую довольно небрежно. Дома многих батраков очень дешевые, без нормальных фундаментов – сваи забивают прямо в землю. Естественно, без цоколя доски гниют, так что такие дома нужно каждые 30–40 лет перестраивать. Вскоре, однако, ситуация меняется. Всё больше домов строят на каменных фундаментах или подпорках для глинобитных стен, а то и вовсе сразу ставят каменные стены. Крыши тоже улучшаются. В некоторых районах страны разрабатывают особую технологию: верхний слой соломы на крыше постоянно меняют, а вот нижний не трогают. Некоторые из этих нижних соломенных слоев оказались настолько долговечными, что дожили даже до наших времен, выдержав шестьсот с лишним лет – и сохранив в себе засохших средневековых кузнечиков и божьих коровок, которые сидели в траве, когда ее косили.

Не считая церкви, самые качественные здания в любой деревне построены владельцем поместья – в том числе каменные дома, в которых он живет с семьей. Но даже если лорд не живет в деревне сам, он все равно строит особняк в центре главной фермы или земли, которую не сдает в аренду (*demesne*). Именно туда арендаторы приходят, чтобы заплатить ренту, штрафы и долги бейлифу, а также на общественные обеды, которые устраивают на Рождество и в других особых случаях, например во время сбора урожая. Вокруг главной усадьбы столько зданий, что сама по себе ферма становится больше похожа на малень-

кое село с огромными молотильными сараями и сеновалами, загонами для волов и пивоварнями, конюшнями, скотобойней, амбаром, гусятником, курятником, сараем для стрижки овец, домом бейлифа и коттеджами батраков.

Естественно, сельский ландшафт не ограничивается только этими зданиями. В прошлом монахи-цистерцианцы любили строить монастыри в захолустьях, и, хотя великая эпоха строительства монастырей уже прошла, их огромные и поразительно изящные церкви по-прежнему остаются главной достопримечательностью многих долин. Большинство английских замков находятся в городах или рядом с ними, но некоторые все же стоят отдельно, в сельской местности, охраняя дороги и заливы. Новая крепость Бодиям, построенная сэром Эдвардом Дэлингриджем, – отличный пример такого отдельно стоящего замка, равно как и замок семьи Померой в Берри, графство Девон, или жилище семьи Тальбот в Гудриче, графство Херефордшир. Еще вы можете увидеть на юго-западе добычу олова открытым способом, где глубокие «шрамы» на склонах холмов отмечают места разработки и промывания руды, а на территории больших монастырей – большие пруды с рыбой.

Потенциального посетителя, наверное, стоит еще кое о чем предупредить. Не вся Англия одинакова. В некоторых холмистых районах колесным транспортом пользоваться невозможно. Это значит, что пейзаж там совсем другой, нежели в равнинной части страны. Строительные материалы берут только в непосредственной близости. Поместья страдают от сильных дождей и не слишком приспособлены для земледелия, так что народу в них живет намного меньше. После Великой чумы многие поселения в этих районах остаются заброшенными. Кроме того, поскольку такие поместья бедны и относительно изолированы, владельцы обычно их игнорируют. Так что лучшие строители для ремонта церквей или зданий поместья туда не ездят, и возводимые постройки часто выглядят очень провинциально, да и строят их по-любительски. С другой стороны, равнины Восточной Англии очень плодородны и, соответственно, богаты. А еще они безопасны по сравнению с сельской местностью на границе с Шотландией или Уэльсом.

Плотность сельского населения Англии в 1377 году		
Регион и графство	Налогоплательщики (население старше 14 лет)	Общая численность населения на кв. милю (2,59 км²)
<i>Восточная Англия</i>		73
Бедфордшир	20 339	71
Норфолк	88 797	65
Суффолк	58 610	64
Хантингдоншир	14 169	52
Эссекс	47 962	
<i>Ист-Мидлендс</i>		
Ратленд	5994	70
<i>Ист-Мидлендс</i>		
Нортгемптоншир	40 225	66
<i>Южное побережье</i>		
Кент	56 557	61
Дорсет	34 241	57
Гемпшир	33 241	34
<i>Юго-Запад</i>		
Корнуолл	34 274	43
Девон	45 635	29
<i>Уэст-Мидлендс</i>		
Стаффордшир	21 465	31
Шропшир	23 574	29
<i>Север</i>		
Ланкашир	23 880	22
Вестморленд	7389	16
Камберленд	11 841	13

*Эта цифра экстраполирована из следующих данных: а) площади страны, приведенной в Lewis, Topographical Dictionary; б) численности населения, высчитанной по данным подушного налога 1377 года таким же образом, как цифры для городов. Предполагается, что 40% населения — дети до четырнадцати лет, духовенство, нищие и люди, уклоняющиеся от уплаты налогов. Напрямую сравнивать эти цифры с современными нельзя, потому что в современном мире другое определение города (автомобильный и железнодорожный транспорт сильно изменили отношения между городом и сельской местностью). В Суррее, где в 1377 году на квадратную милю жило около 40 человек, сейчас плотность населения больше 2000 — в тех районах, которые не поглощены Большим Лондоном. Возможно, вам будет интересно узнать, что плотность населения Норфолка, Суффолка и Хантингдоншира (в основном состоящих из сельской местности), по данным переписи населения 2001 года, составляет от 381 до 442 человек на квадратную милю; плотность населения Ратленда — 243 человека на квадратную милю, Дорсета — 389, Девона — 273, Корнуолла — 378, а Камберленда и Вестморленда, объединившихся в Камбрию, — 218. Плотность населения современных государств определяется в первую очередь городами и промышленными объектами внутри них, а не природой и пейзажем страны.

Самое большое количество заброшенных зданий вы найдете на севере страны, в Камберленде и Нортумберленде.

В теории, там есть и приходы, и поместья, но в течение всего XIV века людей там или очень мало или совсем нет. Тому есть три причины: изменения климата, чума и частые набеги шотландцев. Разрушенные дома и часовни просто оставляют на произвол судьбы. Огромный приход Бьюкасл в Камберленде, площадь которого составляет более 40 тысяч акров, почти необитаем. Похожая ситуация и в Нортумберленде. Это пограничная территория, которую защищает доблестная семья Перси, лорды Алники, но по большей части она пуста. Когда-то густонаселенные районы вроде Редсейла практически заброшены. Большой приход Саймонберн, размерами 33 на 14 миль и площадью более 150 тысяч акров, настолько малонаселен, что взимаемой со всех жителей десятины не хватает даже на содержание одного священника. Туда не ездят королевские сборщики налогов. Туда не ездит вообще никто. Иногда там случаются сражения, иногда встречаются стойкие фермеры, умудряющиеся как-то себя прокормить с небольшого участка в долине, но вы можете ехать там целый день и не увидеть ни души. Строить дом на земле, где ваши посевы, скорее всего, сожгут, животных украдут, а вас и вашу семью убьют разбойники-шотландцы, просто глупо. Это, конечно, сильно контрастирует с деревнями и городками в Мидлендсе и на юге, где маленьких детей спокойно отпускают играть одних на улицу.

II. Люди

Никто не сможет точно назвать численность населения Англии XIV века. Примерные оценки – 5 миллионов в 1300 году (плюс-минус полмиллиона) и около 2,5 миллионов в 1400-м (плюс-минус четверть миллиона)⁸. Единственное, в чем согласны абсолютно все, – к концу века в стране осталось намного меньше людей, чем в начале, практически в половину меньше. Между 1315 и 1325 годами население уменьшилось на пять – десять процентов, во время Великой чумы 1348–1349 годов – на тридцать – сорок, а во второй половине столетия – еще на пятнадцать – двадцать пять. Быстро восстановиться от гибели множества детей невозможно. Как вы уже убедились по изменившемуся пейзажу, XIV век нанес обществу серьезнейший удар. Лишь в 30-х годах XV века население снова достигнет 5 миллионов, и лишь еще через сто десять лет – 5 с половиной. Как долго живут эти люди? Зависит от того, где они живут и насколько богаты. Иомены в Вустершире в первой половине XIV века, дожив до двадцати лет, живут после этого в среднем еще лет двадцать восемь, а их наследники во второй половине столетия – тридцать два. Звучит неплохо: почти пятьдесят лет жизни. Но, с другой стороны, эта цифра означает, что половина взрослых людей даже до пятидесяти не доживает. И это мы говорим о преуспевающих жителях Вустершира. Бедные крестьяне в том же регионе в среднем живут на пять-шесть лет меньше. И еще следует учесть, что все эти цифры – для тех, кто уже дожил до двадцати лет: половина населения умирает раньше. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении может равняться всего восемнадцати годам, как, например, в йоркширской деревне Уоррем-Перси.

По вышеописанным причинам большинство средневековых англичан сравнительно молоды. Тридцать пять, а то и сорок процентов населения младше пятнадцати лет. Взглянув на противоположный конец возрастного спектра, мы увидим, что лишь пять процентов англичан XIV века старше шестидесяти пяти. Молодых людей намного больше, а старых намного меньше, чем сейчас. Впрочем, самый поразительный контраст – это медианный возраст. Если бы вы выстроили всех современных англичан в одну линию по возрасту, то в середине стоял бы 38-летний человек. Если бы вы сделали то же самое в XIV веке, то в середине нашли бы 21-летнего. Половине всей Англии двадцать один год или меньше⁹.

Преобладание молодежи ведет к социальным различиям в любых поселениях и сферах деятельности. Среднестатистический человек со средневековой улицы обладает меньшим на семнадцать лет жизненным опытом, что не может не сказаться на всех аспектах его жизни. Старших, у которых он может попросить совета, намного меньше. Вспомнив, что общества с молодым населением более жестоки, часто поддерживают рабство и не видят ничего дурного в жестоких поединках, где мужчины бьются насмерть ради развлечения, вы поймете, что с тех времен общество изменилось фундаментально. Средневековые, конечно, не сравнить с Древним Римом, но средневековое понятие о крепостной службе не слишком отличается от рабства, а любовь к рыцарским поединкам недалеко ушла от любви римлян к

⁸ См. Hatcher, *Plague, Population*, pp. 13–14, 71. По данным о подушном налоге 1377 года, который был собран со всего населения старше четырнадцати лет, за исключением духовенства и нищих, в Англии было 1 386 196 налогоплательщиков. Если воспользоваться тем же предположением, что приведено выше, – что налогоплательщики составляют примерно 60 % всего населения, – то всего в Англии жило около 2,31 миллиона человек. Более ранние прикидки выводятся именно из этой цифры, принимая во внимание смертность от чумы в 1348–1349, 1361 и 1368 годах. Население уменьшалось вплоть до 40-х годов XV века. См. Hatcher, *Plague, Population*, p. 27.

⁹ Hatcher, *Plague, Population*, p. 71. Возрастная статистика основана на цифрах по XVI веку в Wrigley and Schofield, *Population History*, особенно таблице A3.1 на с. 528. По этой статистике, ожидаемая продолжительность жизни в 25 лет – еще 32 года, что превышает цифру в 20–30 лет для 20-летних, приведенную и в Dyer, *Standards*, p. 182, и в Harvey, *Living and Dying*, p. 128 (обе книги основаны на данных XV века). Поэтому по сравнению с таблицей A3.1 у Ригли и Скофилда средний возраст слегка занижен. Современные данные взяты с сайта Департамента национальной статистики.

гладиаторским кровопролитиям. Есть лишь одна, но очень важная разница: средневековые зрители знают, что бойцы на турнирах добровольно рискуют здоровьем и жизнью. Они – рыцари-аристократы, сражающиеся ради своей гордости и славы, а не рабы, которых заставляют резать друг друга на части на потеху кровожадной толпы.

Как выглядят люди в Средние века? В целом они лишь немногим ниже нас. Средний рост мужчин – чуть выше 5 футов 7 дюймов (171–172 см), а женщин – 5 футов 2 дюйма (158–159 см). Их ступни тоже меньше: средний размер ноги у мужчин – английский 4–6 (европейский 37–39), а у женщин – 1–3 (33–36). Впрочем, вы заметите, что богачи более или менее «одного с вами роста». Бедняки, с другой стороны, заметно ниже: такие резкие различия обусловлены и генетикой, и плохим питанием. Так что если дело доходит до драки, у аристократа явное преимущество. Кстати, если уж говорить о драках и боях – вы обязательно встретите мужчин, потерявших глаза, уши или конечности во французских или шотландских войнах... или в куда менее славных «сражениях». На удивление много людей хромают из-за незалеченных травм ног или ступней, зачастую полученных на работе. В некоторых городах каждому двадцатому приходится выживать со сломанной или треснутой конечностью. А еще случаются и родовые травмы. Один из епископов Дарэма, Луи де Бомон, знаменит своей косолапостью на обе ноги. Большинство англичан рано или поздно переносят болезнь, которая портит их юношескую красоту (конечно, если они изначально были хоть сколько-нибудь красивы).¹⁰

Обычно говорят, что к двадцати годам средневековый мужчина достигает расцвета сил, к тридцати – зрелости, а к сорока – старости. Это означает, что мужчинам приходится рано взваливать на себя груз ответственности. В некоторых городах в судах присяжных могут заседать даже двенадцатилетние. Лидерам, которым нет еще и тридцати, доверяют и считают достойными всяческого уважения. Двенадцатилетний Эдуард III объявляет войну Шотландии и лично ведет в бой армию, несмотря на двукратное превосходство врага. Это не поспешное решение: Эдуарда полностью поддерживают и аристократы, и рыцари, и всадники, и пехота. В современном же мире ему бы по возрасту даже нельзя было избираться в парламент. Когда кто-то говорит, что «детям сейчас приходится очень быстро расти», ему стоит поразмыслить и оглянуться на прошлое. Средневековые мальчишки должны с семи лет работать, с того же возраста их могут повесить за воровство. В четырнадцать лет им разрешается жениться, а в пятнадцать они становятся военнообязанными. Аристократы могут занимать государственную должность или командовать армией, еще не достигнув двадцати лет. В битве при Креси (1346) командование авангардом – передним батальоном армии – поручили принцу Эдуарду, которому было всего шестнадцать лет. Невозможно представить, чтобы современному шестнадцатилетнему юнцу доверили командование батальоном в бою.

У женщин периоды «расцвета», «зрелости» и «старости» сдвинуты на шесть – семь лет. В семнадцать лет женщина в расцвете сил, зрелой становится в двадцать пять, а старой – примерно в тридцать пять. По словам одного из персонажей Чосера, тридцатилетняя женщина – просто «высохшее зимнее сено». Мальчиков обручают с девочками еще в младенчестве, а в брак девочкам разрешают вступать уже с двенадцати лет, хотя сожителство обычно начинается только в четырнадцать. Подростковая беременность только приветствуется – еще одно значительное отличие от современной Англии. Большинство благородных девушек к шестнадцати годам уже замужем, а к двадцати пяти рожают пять-шесть детей, двое или трое из которых умирают. В этом возрасте многие из них уже вдовы – их мужья погибли на войне с Францией или Шотландией. Конечно, если они сами сумели не умереть при очередных родах.

¹⁰ Dyer, Standards, pp. 316–317. См. также Roberts and Manchester, Archaeology of Disease, p. 57 – средний рост мужчин там считается равным 171,8 см.

Несмотря на все вышесказанное, некоторым людям удается дожить даже до восьмидесяти. Седой старый рыцарь, сэр Джеффри де Жуанвиль, брат биографа Людовика Святого, умер в доминиканском монастыре в Тримере в 1314 году в возрасте 88 лет. Прозорливый корнуолльский священник, лингвист и переводчик Джон Тревиза, родившийся около 1326 года, умер лишь в 1412-м, в восемьдесят шесть лет. Летописец Джон Гардинг, 1377 года рождения, написал хронику триумфа первого короля из династии Ланкастеров, Генриха IV, в 1399 году и прожил достаточно долго, чтобы переписать историю с противоположной политической точки зрения по приказу первого короля из династии Йорков, Эдуарда IV, в 60-х годах XV века. В 1464 году в свои восемьдесят семь лет он был еще жив. Английские епископы тоже часто доживают до глубокой старости. Средний возраст рукоположения епископов в 1300 году – сорок три года. После этого они в среднем живут еще двадцать один год, так что их ожидаемая продолжительность жизни – шестьдесят четыре года. В 1400 году средний возраст избрания епископов – сорок четыре года. Они живут еще двадцать три года: их средняя продолжительность жизни выросла до шестидесяти семи. Даже среди них выделяются, например, епископ Дарэма Скерлоу и епископ Личфилда Бергхилл, служащие и в семьдесят лет. Уильям Уайкэм, епископ Винчестера, дожил до восьмидесяти.

Три сословия

Средневековое общество разделяет себя на три части, или «сословия», первоначально созданных Богом: те, кто сражаются, те, кто молятся, и те, кто возделывают землю. Аристократы – это «те, кто сражается». Они защищают «тех, кто молится» и «тех, кто работает». Духовенство молится, защищая души воинов и работников. «Те, кто работает», кормят аристократию и духовенство, расплачиваясь своим трудом, рентами и десятинами. Таким образом, все сословия вносят свой вклад в общественное благо.

Идея очень хороша – особенно привлекательна она для тех, кто сражается и молится, чтобы оправдать вопиющее неравенство в обществе. Но эта идея начала устаревать еще в XII столетии. А с 1333 по 1346 год от нее окончательно не оставили камня на камне английские лучники, которые, несмотря на принадлежность к сословию «тех, кто работает», продемонстрировали, что являются куда более грозной военной силой, чем атакующий строй «тех, кто сражается». За этот короткий срок «те, кто работает», превратились в «тех, кто сражается», и над старой аристократией нависла реальная угроза исчезновения за ненадобностью. Тем не менее, несмотря на неадекватность модели, мы ей воспользуемся – хотя бы потому, что она показывает, как сами люди XIV века понимали классовую систему.

Те, кто сражаются

Как видно на вышеприведенной диаграмме, сословие «тех, кто сражается», разделено на несколько ярусов – это пирамида богатства и военной обязанности. На вершине находится король, владеющий всей землей королевства. Владения, принадлежащие непосредственно королю, приносят ежегодный доход, которым король оплачивает содержание королевского двора, в том числе различных отделов правительства. Кроме того, король может получать дополнительные деньги на финансирование военных экспедиций с помощью субсидий и других налогов, которые должен одобрить парламент.

На втором ярусе находятся лорды. Они владеют одним из трех титулов – герцога, графа или барона¹¹. Герцогский титул – самый высокий; его ввели в 1337 году для старшего

¹¹ Очень недолго существовал и маркизский титул. Роберт де Вер получил титул маркиза Дублинского в 1385 году; формально он остался его обладателем после того, как в следующем году стал герцогом Ирландским, и титул вышел из обращения только после смерти де Вера в 1392 году. Кроме того, Ричард II создал для Джона Бофора титул маркиза Дорсета в 1397 году; его брат Генрих IV лишил его этого титула, вернувшись в Англию в 1399 году. После этого титул объявили

сына Эдуарда III, Эдуарда Вудстока, позже известного как Эдуард Черный принц. Герцогские титулы обычно принадлежат королевской семье: три из четырех герцогов, получившие титулы до 1377 года, – сыновья короля. Следующий по старшинству титул лорда, графский, распространен шире. Количество графов в течение столетия варьируется от семи до четырнадцати. Самый низкий аристократический титул – баронский; количество баронов колеблется от сорока до семидесяти.

Все лорды получают свои лены непосредственно от короля и, таким образом, называются «главными владельцами» (*tenants-in-chief*). Обычно они получают личные приглашения на каждое собрание парламента, где заседают в Палате лордов. Когда дело доходит до сражений, они номинально обязаны предоставлять королю войска за свой счет на сорок дней в год. На самом деле, впрочем, они несут службу столько, сколько необходимо королю, а их расходы компенсируются из казны.

Статус лорда более или менее коррелирует с доходами. В теории, любой лорд должен получать со своих владений не менее 1000 фунтов. Годовой доход большинства составляет от 700 до 3000 фунтов. Самый богатый лорд – Томас Ланкастер, пять графских владений которого принесли в 1311 году около 11 тысяч фунтов. За весь век этот показатель превзошли лишь два человека. На втором месте в условном «списке богачей» XIV века – королева Изабелла, которая в 1327–1330 годах получала по 20 тысяч марок (13 333 фунта) в год. Первое же место уходит Джону Гонту, герцогу Ланкастеру, чей валовой доход с поместий в Англии и Уэльсе в 1394–1395 годах составлял около 12 тысяч фунтов, не считая еще пенсии из Кастилии в размере 6600 фунтов¹². Доходы большинства баронов составляют от 300 до 700 фунтов, но в некоторых исключительных случаях даже барон может получать 1300 фунтов в год – например, лорд Баркли.

Третий ярус феодальной иерархии состоит из помещиков, которые получают землю от короля косвенно – или, если проще, от главных владельцев ленов. Местные лорды не получают личных приглашений на заседания парламента, хотя их могут выбрать представителями – так называемыми рыцарями графств. Они не «лорды» в смысле владения баронским титулом – они имеют власть лишь над арендаторами земли в своих поместьях. В теории всех, кто имеет годовой доход больше 40 фунтов, – примерно 1100 человек – король должен называть рыцарями. Тех, чей годовой доход меньше, называют либо эсквайрами (если они потомки рыцарей и имеют право носить герб), либо, если у них герба нет, – просто джентльменами.

Впрочем, поместьями владеют не только люди с вышеописанными званиями. Многие поместья находятся во владении священников или учреждений – например, монастырей или университетских колледжей. Немалое число старых поместий разделили поровну между наследниками, так что «помещик» вполне может владеть всего лишь четвертью рыцарского лена площадью меньше 400 гектаров и получать с них всего 5 фунтов в год. Примерно 10 тысяч человек находятся именно в категории «джентри» – с годовым доходом от 5 до 40 фунтов¹³. В какой степени их считать принадлежащими к сословию «тех, кто сражается» – вопрос довольно спорный. Тем не менее благодаря своему правовому статусу и семейным связям они имеют определенное влияние среди равных себе и власть над арендаторами и крепостными, так что не думайте, что раз они небогаты, то на них можно не обращать внимания.

«неанглийским».

¹² Данные по Изабелле см. Mortimer, *Greatest Traitor*, p. 171. По Гонту – см. Dyer, *Standards*, p. 36, где говорится, что его доход равнялся 12 474 фунтам; в Goodman, *John of Gaunt*, p. 341 приводятся данные по его доходам за годы, закончившиеся в Михайлов день 1394 и 1395 годов: «около 10 тысяч фунтов чистого дохода (11 750 фунтов до вычета налогов)».

¹³ См. Dyer, *Standards*, pp. 30–31 – там приведены доходы рыцарей и мелкого дворянства.

Те, кто молятся

Иерархия английского духовенства похожа на иерархию светских лордов. Есть духовная аристократия – архиепископы, епископы и аббаты крупнейших религиозных построек – и подчиненные ей уровни: архидьяконы, деканы, каноники и низшее духовенство.

Общественная иерархия

Миряне

(землевладельцы
и сельские жители)

Герцоги

Графы

Бароны

Рыцари

Эсквайры
и джентльмены
с доходами
более 200
фунтов

Эсквайры и
джентльмены
с доходами
100 фунтов

Свободные зем-
левладельцы,
йомены

Земледельцы
(вольные)

Крепостные
(несвободные)

Миряне
(городские)

Мэры «сити»
и инкорпори-
рованных городов

Богатейшие купцы
с капиталом более
1000 фунтов,
олдермены «сити» и
инкорпорированных
городов

Купцы средней руки
с капиталом
от 500 фунтов

Торговцы с капиталом
менее 500 фунтов; профес-
сионалы (врачи, юристы
и некоторые мастера-
каменщики и плотники)

Лавочники, местные тор-
говцы, умелые рабочие,
свободные горожане

Рабочие

Духовенство

Архиепископы

Епископы

Аббаты с местом в парла-
менте*, приор госпиталье-
ров, магистр тамплиеров
(до 1308)

Аббаты менее значимых
аббатств
Приоры крупных мона-
стырей, приоры нищен-
ствующих орденов

Каноники соборов,
архидьяконы, приоры
небольших монастырей

Другое высшее духовен-
ство и богатые ректоры
(обычно — нескольких
приходов)

Ректоры единствен-
ного прихода

Викарии приходов

Капелланы, монахи
и низшее духовенство

Отшельники

* Количество прелатов в парламенте постоянно колебалось. В 1307 году их было пятьдесят четыре. В 1399-м — всего двадцать шесть: аббаты Питерборо, Гластонбери, Колчестера (монастырь Св. Иоанна), Бери-Сент-Эдмендс, Абингдона, Йорка (монастырь Св. Марии), Уолтэм-Холи-Кросса, Кроуленда, Бардни, Сент-Бенет-Халма, Мальмсбери, Рединга, Сент-Олбанса, Сельби, Торни, Баттла, Вестминстера, Кентербери (монастырь Св. Августина), Сайренчестера, Ивсэма, Глостера (монастырь Св. Петра), Рамсея, Хайд-бай-Винчестера, Винчкомба и Шрусбери. Кроме того, регулярно вызывали в парламент приора Ковентри. Стоит также отметить, что все прелаты в парламенте стояли выше графов, несмотря на то что герцоги стояли выше архиепископов. См. PROME, 1399 September, Introduction.

На самой вершине английской «пирамиды» находятся архиепископы Кентерберийский и Йоркский. Из этих двоих старшинство принадлежит Кентерберийскому. В его провинцию входят четырнадцать из семнадцати английских епархий и все четыре валлийские¹⁴. Каждой епархией управляет епископ, находящийся в непосредственном подчинении архиепископа. Архиепископ Йоркский не подчиняется архиепископу Кентерберийскому, но обязан признавать старшинство южного коллеги. В его провинцию входят три оставшихся английские епархии (Карлайл, Дарэм и Йорк). Есть и еще несколько человек, носящих церковную одежду и называющих себя епископами. Это викарные архиепископы и епископы, которых назначает папа; им дают экзотические титулы вроде «архиепископ Дамасский», «епископ Хрисуполиса» или «архиепископ Назаретский», но они подчиняются непосредственно папе и не входят в английскую церковную иерархию.

Если уж заговорили о папах, то стоит помнить две важные вещи. Во-первых, большую часть столетия папский престол находится не в Риме, а в Авиньоне, на юге Франции. Во-вторых, с 1378 года пап вообще двое. Эти странности начались с жестокого спора между папой Бонифацием VIII и королем Франции Филиппом, случившегося около 1300 года. После смерти Бонифация в 1303 году его наследник Бенедикт XI попытался исправить ситуацию, но Бонифаций даже мертвым продолжал раздражать французского короля. Следующий папа после Бенедикта, Клемент V — франкофил, и он сделал всё, чтобы успокоить Филиппа — в частности, назначил множество новых кардиналов-французов. Кроме того, он переехал вместе с папским двором в Авиньон. Французские кардиналы постоянно избирают французских пап, которые, в свою очередь, назначают новых французских кардиналов, которые избирают новых пап-французов. Такая ситуация сохранялась до 1378 года, когда в церкви произошла Великая схизма. Шотландцы, французы и испанцы поддержали избрание нового французского папы, Клемента VII, который остался в Авиньоне. Англичане, итальянцы и большинство германских государств, составляющих Священную Римскую империю, посчитали Клемента антипапой и поддержали избрание папы Урбана VI, который вернулся в Италию и поместил престол в Риме. В общем, если излагать вкратце, ситуация такова: до 1305 года папа был один — в Риме. С 1305 по 1378 годы папа тоже был один — в Авиньоне. С 1378 года

¹⁴ Средневековые английские епархии: Бат и Уэллс, Винчестер, Вустер, Или, Кентербери, Ковентри и Личфильд, Линкольн, Лондон, Норидж, Рочестер, Солсбери, Херефорд, Чичестер и Эксетер. Валлийские — Бангор, Лландафф, Сент-Асафс и Сент-Дейвидс.

и до конца века пап двое: один в Авиньоне, другой – в Риме, причем англичане признают только последнего.

Почему это важно? Папа лично назначает каждого архиепископа, епископа и архидьякона во всем христианском мире, в том числе на Британских островах. Это дает ему огромное влияние. Когда в Англии умирает епископ, король может написать папе письмо и попросить поддержать избранную им кандидатуру, но выбор все равно остается за папой. Не стоит и говорить, что папы-французы (которые до схизмы 1378 года имели власть и в Англии) не всегда исполняли просьбы английских королей. Есть и другие проблемы. Авиньонские папы с куда большим удовольствием назначали на верховные церковные позиции в Англии своих прихлебателей из Авиньона, а не каких-то далеких и незнакомых англичан, которых они и в глаза никогда не видели. Таким образом, многие архидьяконы и каноники в английских церквях – иностранцы, причем многие из них вообще не приезжают в Англию, а просто прикармливают доходы со своих английских владений. Наконец, и это самое очевидное – Англия воюет с Францией, так что папы-французы особой любовью в Англии не пользуются.

Как и их мирские «коллеги»-аристократы, большинство архиепископов и епископов – главные владельцы ленов, пожалованных им непосредственно королем. Каждый английский епископ имеет доход, сравнимый с графским: от 3500 фунтов в год (Кентербери) до 400 фунтов (Рочестер). Епископ Или в 1300 году получает около 2500 фунтов в год; епископ Вустера – примерно 1200 фунтов. В некоторых случаях аналогия между епископами и графами становится еще более прямой. Некоторые обладатели епископских чинов – сыновья аристократов и тоскуют по жизни на передовой. Епископ Хетфилд из Дарэма командовал арьергардным дивизионом во время марша через Нормандию в кампании, завершившейся битвой при Креси (1346). Зуш, архиепископ Йоркский, тоже демонстрирует доблесть – он был одним из глав английской армии, одержавшей победу при Невиллс-Кроссе (тоже 1346 год). Но самым знаменитым из воинствующих епископов стал Еенри Деспенсер из Нориджа, в 1383 году вторгшийся во Фландрию. Он заявлял, что ведет «крестовый поход» против французских сторонников папы Клементя, но вместо этого напал на фламандцев – сторонников папы Урбана (которого поддерживала и Англия). От епископа-аристократа, конечно, вряд ли можно требовать «подставить вторую щеку», но, по крайней мере, исполнять заповедь «Не убий» он должен?

Само духовенство делится на две категории. Архиепископы и епископы управляют белым духовенством – священниками и другими церковниками, которые живут в мире и служат мирянам. Черное духовенство по большей части находится вне их юрисдикции и подчиняется главе монастыря и главам своих орденов. Монахи и каноники отрешаются от мира, чтобы жить в созерцании и молитве за закрытыми дверями аббатств и малых монастырей. Так же поступают и женщины – монахини и канониссы. Монахи нищенствующих орденов выходят в мир, чтобы проповедовать, но вот монахини францисканского (их называют «клариссинками») и доминиканского орденов живут в монастырях.

Виды черного духовенства

Вид	Ордена	Примечания
Монашеские ордена	• Бенедиктинцы (также «черные монахи», по цвету рясы) • Клюнийцы • Цистерцианцы («белые монахи») • Картезианцы	Монахи следуют Уставу св. Бенедикта. Они уходят из мира, живут в созерцании и молитве и не имеют собственного имущества. Бенедиктинцы — старейший монашеский орден; в нем устав соблюдается в наименьшей степени. Цистерцианцы намного строже, а у картезианцев все еще строже, чем у цистерцианцев, — они живут в уединенных монашеских кельях
Регулярные каноники	• Августинцы-каноники (черные каноники) • Премонстранты (белые каноники) • Гильбертинцы • Гранмонтинцы	Похожи на монахов, но следуют Уставу св. Августина. Орден св. Гильберта в Семпрингеме — единственный монашеский орден, основанный в Англии: он позволяет монахам и монахиням совместно жить в монастырях и вместе посещать церковь
Воинствующие ордена	• Орден рыцарей Храма (тамплиеры) • Орден св. Иоанна (госпитальеры)	Рыцарские ордена, первоначально созданные для защиты дорог для паломничества в Святую Землю. После роспуска тамплиеров в 1308 году значительное представительство в Англии имеют только госпитальеры
Нищенствующие ордена	• Доминиканцы, («черные братья» или «братья-проповедники») • Францисканцы («серые братья», или «меньшие братья»)	В отличие от монахов, «братья» выходят в мир, проповедуя слово Божие и богатым, и бедным. Они отказались от всякой личной собственности и дали обеты безбрачия и безвладения

Один из вопросов, который неизбежно у вас возникнет во время путешествий по Англии, – если монахи действительно отрешились от мира и проводят дни в созерцании и молитве, почему вы их встречаете повсюду и в таких количествах? Ответ – монастырские дела. Аббаты и приоры обязаны посещать собрания своих орденов; многие аббаты и несколько приоров даже заседают в парламенте. Другие монахи покидают монастыри, чтобы приобрести необходимые вещи – в частности, рукописи для переписывания – или обменяться новостями. Но подавляющее большинство «монастырских дел» – это осмотр владений аббатства. Монаху в чосеровском «Рассказе шкипера» аббат разрешает ездить где угодно, чтобы «собирать для ордена доходы и выяснять причины недорода». Некоторые монастыри держат обширные пахотные угодья на юге Англии. Большие бенедиктинские монастыри вроде Гластонбери и Вестминстерского аббатства имеют доходы более 2000 фунтов, а в урожайный год – и все 3000. Доходы большинства аббатов составляют от 30 до 300 фунтов¹⁵.

Состав духовенства в Англии весьма разнообразен. Кроме всех вышеперечисленных священнослужителей, в семистах богаделенных и часовнях страны служат сотни капелланов и священников. Сложив все вместе, вы поймете, что «те, кто молятся», практически так же богаты и многочисленны, как «те, кто сражаются». К 1348 году в Англии около 650 монастырей (в 350 живут монахи, в остальных 300 – регулярные каноники). Кроме них, есть еще около 200 мужских монастырей и 150 женских, так что всего в стране почти тысяча религиозных домов. Прибавьте к этому богадельни, в каждой из которых служат капелланы и другие церковники, около 10 тысяч приходских священников, а также неизвестное число религиозных отшельников, личных духовников, певчих, исполняющих заупокойные мессы, университетских богословов и священников, служащих в женских монастырях, и получите не менее 30 тысяч человек, для которых религия – дело всей жизни. Поскольку монахом или священником можно стать только по достижении восемнадцати лет, это означает, что более двух процентов всех взрослых мужчин Англии – священнослужители.

Те, кто работают

Вы, наверное, подумаете, что третьему сословию определение дать легче всего. «Те, кто работают» – крестьяне. Какая тут еще может быть иерархия? Но вы ошибетесь. Среди крестьянства градаций богатства и статуса чуть ли не больше, чем у аристократов и церковников, вместе взятых. Статус свободного землевладельца (франклина) или йомена, у которого есть целая виргата (30 акров) и собственная упряжка из восьми волов, намного выше, чем у виллана (крепостного), который обязан служить помещику, а на собственные нужды у него есть всего один – два акра. Если дочь землевладельца выйдет замуж за младшего сына джентльмена, то его статус еще поднимется. Если его семья снабжает служителей поместья, например мажордома, – это тоже влияет на статус в лучшую сторону. Идея, что все крестьяне тянут лямку вместе и их общественное положение и состояние одинаковы, – современный миф.

Даже то, существовала ли некая группа людей, которую называли «крестьянами», – уже большой вопрос. Для помещика такая группа существует: ему не важно, богаче ли один из его крестьян другого, – важно, что все они арендуют у него землю. Однако само слово «крестьянин» (peasant) в тот период не используется. Если вы спросите крестьянина, крестьянин ли он, он, скорее всего, почешет в затылке и поинтересуется в ответ: «О чем вы вообще?» Клерки называют его и его собратьев либо *rustici* («сельские жители»), либо *nativi*

¹⁵ Оценка основана на большом количестве людей с доходами от 50 до 500 фунтов в Valor Ecclesiasticus, что отмечено в Knowles and Hadcock, Medieval Religious Houses.

(«родившиеся в неволе»), либо *villani* («крепостные».); но сами крестьяне не называют друг друга *rustici*, к тому же не все крестьяне – крепостные. Индивидуальность им придают не сходства, а различия. Прежде всего они задают вопросы: «Откуда ты? Сколько у тебя земли? Ты владеешь каким-нибудь ремеслом? Ты умеешь играть на музыкальных инструментах? Ты родился в законном браке или нет?» И, пожалуй, самый важный из всех вопросов о статусе: «Ты свободный?»

Свобода – это главный «водораздел» среди крестьянства (давайте все же ради удобства будем пользоваться именно этим словом). Несвободные крестьяне называются вилланами, или крепостными. Крепостные возделывают землю помещика по графику, определенному обычаями, – чаще всего три дня в неделю. Кроме того, они должны выполнять конкретные задания, например вспахивать и боронить определенную часть земли лорда или собирать дрова и орехи в лесу на территории поместья. Взамен крепостные получают право на использование некоторой части земли, за которую платят ренту. В начале века примерно семьдесят процентов крепостных имеют в личном пользовании от четверти до целой виргаты, и лишь у очень немногих земли больше. В дни, когда они не отрабатывают барщину или уже завершили нужную работу (обычно ближе к вечеру), крепостные могут возделывать свою землю или трудиться в саду. Но по закону всё, что они вырастят, принадлежит помещику, и он в любой момент может забрать себе всё, что захочет.

Чаще всего помещики не забирают у крестьян ничего, кроме «гериота». Это традиционная дань – лучшая голова скота или самый ценный предмет движимого имущества, который после смерти крепостного его наследники обязаны отдать лорду. Но, как скажет вам один старый аббат, который лучше разбирается в законодательстве, чем в дипломатии, с юридической точки зрения его крепостные «не владеют ничем, кроме собственных животных». Этот же аббат вполне может насыпать еще больше соли на раны вилланов, напомнив, что им запрещается покидать территорию усадьбы больше, чем на день. Если владелец продаст землю, то продаст вместе с ней и крепостного с семьей. Более того, у крепостных нет права предстать перед королевским судом – судить их могут только в поместных судах. В некоторых поместьях лорд даже имеет право казнить провинившихся.

Но это еще не самое худшее. Помещик имеет право вмешиваться в брачные дела крепостных. Если крепостной разрешит своей дочери (подразумевается, что она тоже несвободна) выйти замуж за жителя другого поместья, то он обязан заплатить лорду штраф, компенсирующий потерю новых поколений крепостных. Если вдова через несколько месяцев после смерти первого мужа не вышла замуж снова и землю помещика из-за этого некому возделывать, то ей прикажут выбрать себе трудоспособного мужа до следующего заседания суда – то есть в течение нескольких недель. Если она так и не выйдет замуж, то бейлиф или мажордом выберут ей мужа сами. Если они откажутся вступать в брак, их оштрафуют; если и после этого откажутся, то обоих посадят в тюрьму и продержат там, пока они не согласятся. Брак по сговору родителей по сравнению с этим покажется благословением небес. Думаю, я не преувеличу, сказав, что некоторые аспекты жизни крепостных покажутся вам отвратительными.

Крепостной может избавиться от рабского положения двумя способами. Первый – лорд сам его освободит. Второй – побег. Если крестьянин сбегает в город и живет там год и один день, то официально становится свободным. Естественно, при этом он лишается всей собственности, которой владел в поместье, а его ближайшего родственника мужского пола оштрафуют. Если он женат, то его жену и детей выгонят из дома, а все имущество семьи конфискуют – так что женатые мужчины сбегают редко. Если они и пытаются, то жены обычно следуют за ними и силой возвращают обратно. Кроме того, стоит помнить, что свободному человеку не всегда живется лучше, чем его кузенам-крепостным. Если он даже владеет каким-нибудь ремеслом, то у него нет ни инструментов, ни денег, чтобы открыть соб-

ственное дело. Большинству беглых нечего продать, кроме своего труда, а он очень дешев. Но благодаря беглым крепостным – обычно младшим сыновьям, надеющимся заработать, – население города постоянно держится на одном уровне. Бедняки в трущобах умирают от недоедания, травм и болезней, но им на смену нескончаемым потоком приходят молодые люди, живущие в дешевых тесных комнатках и кое-как сводящие концы с концами, работая в опасных и неприятных условиях.

Не меньшая разница в богатстве и статусе, чем между крепостными в поместье (у кого-то есть больше 30 акров земли, у кого-то всего один-два), есть и среди франклинов и йоменов (свободных земледельцев). На вершине иерархии находятся те, кому удалось получить во фригольд достаточно земли, чтобы обеспечить семью, – они даже в состоянии нанимать работников, которые помогают им обрабатывать землю. Еще у них может быть несколько слуг. Но даже внутри этой группы есть различия. Выше всех – те, кто арендует у лорда поместье целиком и управляет им, словно они сами помещики. После Великой чумы так случается довольно часто: лорды с удовольствием избавляются от рисков, связанных с управлением поместьями, отдавая их в аренду за фиксированную плату¹⁶. Франклины, арендующие поместья, размывают границу между дворянством и крестьянством, женись на дочерях эсквайров. Человека, который сам назначает бейлифа, имеет слуг, родственников среди джентри и председательствует в поместном суде, уже трудно назвать крестьянином.

Большинству свободных крестьян, впрочем, живется хуже, чем арендаторам поместий. Как и у крепостных, у них редко есть хотя бы виргата земли на общих полях. Они, очевидно, не могут возделывать все 30 акров сразу – треть нужно оставлять под пар, – так что приходится себя обеспечивать с оставшихся 15 или 20 акров. В урожайный год у них даже останется определенный избыток, в неурожайный им придется довольно трудно. У вольных крестьян бывают и другие права, например пасти скот на пастбище лорда или собирать дрова в лесу, но когда случается сразу несколько неурожайных лет подряд, фригольдерам приходится туго. Особенно плохо – тем, у кого меньше восьми акров (а это почти половина всех свободных крестьян). В самые ужасные годы (например, во время Великого голода 1315–1317 годов) крепостные крестьяне жили даже лучше, чем вольные. В таких обстоятельствах ничего не остается, кроме как продать имущество более богатому франклину и наняться батраком.

По всем вышеописанным причинам, когда вы приедете в деревню на лошади, увидите, как жена одного крестьянина, наклонившись над забором, болтает с другой, и подумаете, как здесь все красиво и гармонично, не забывайте, что вы не видите ни неравенства, ни напряжения, ни страхов. К трем или четырем семьям, из которых чаще всего выбирают местных чиновников (мажордома, присяжных, сборщиков десятины, дегустаторов эля, констебля и ответственного за изгороди), вряд ли очень хорошо относятся те, кто больше всего пострадали от их обвинений в поместном суде. Некоторые семьи считают себя выше других, потому что те – крепостные или кто-то из них нанялся слугой. В большинстве деревень местного помещика либо уважают, либо ненавидят. Общая идея, особенно в начале века, состоит в следующем: чем жестче помещик (будь он хоть аббатом, хоть рыцарем) относится к арендаторам земли, тем больше его будут бояться и уважать. В целом крестьяне действительно уважают помещиков. Это вовсе не удивительно: крепостные обязаны своему лорду всем: и землей, и средствами к существованию, а во время сбора урожая и на Рождество он устраивает пир для всех. Крестьяне очень редко грабят дома и уголья помещиков. Идея, выдвинутая во время восстания Уота Тайлера в 1381 году, – «все крестьяне должны быть

¹⁶ Документ о передаче крестьянам в аренду целого поместья перепечатан в Fisher and Jufica (eds), Documents, pp. 102–103.

освобождены от крепостной зависимости» – стала следствием скорее изменившейся ситуации после Великой чумы, чем длительного периода классовой ненависти.

Люди вне сословий

Вы уже поняли все недостатки системы «трех сословий». Епископы тоже берут в руки оружие и сражаются, да и земель могут владеть наравне с графами и баронами. В некоторых случаях богатый крестьянин ничем не отличается от бедного джентльмена. Но еще более значительный недостаток модели – многие люди вообще в нее никак не вписываются. Например, где в ней располагаются купцы и торговцы? Из первой главы мы знаем, что примерно восьмая часть всех англичан живет в городах: к какому из «трех сословий» принадлежат горожане? Их трудно назвать «теми, кто работает», потому что их доходы не перечисляются лордам. А как же все остальные? Как насчет, например, жонглеров, акробатов и шутов? Моряков, слуг и зарождающихся профессионалов – врачей и юристов? Как их вписать в три сословия?

Люди, не входящие в сословия, – едва ли не самые интересные из всех, с кем вы встретитесь. Например, слуги. Вы наверняка предположите, что слуги находятся в самом низу общественной иерархии, даже ниже тех, кто работает. Но, как скажет вам любой слуга, за любую службу положена награда, а размер этой награды зависит от того, кому и в какой должности вы служите. Королевский пристав – слуга, но, будучи вооруженным исполнителем королевской воли, он обладает немалой властью – намного большей, чем богатый купец, чьи товары, возможно, его отправили конфисковать. Эконом лорда может сам быть владельцем поместья. Бейлиф, управляющий делами поместья, – тоже слуга лорда, но у него больше власти, чем почти у всех остальных жителей этого поместья. Сыновей лордов зачастую учат хорошим манерам, отправляя в услужение к другим лордам: они тоже слуги, но тем не менее их положение высоко – несмотря на то что они не имеют никакого дохода. С другой стороны, положение десятилетнего мальчика, прислуживающего в доме зажиточного крепостного или бедного франклина, очень низко – ниже даже, чем у других крестьян. Возможно, когда вырастет, он станет фермером, но сейчас он на самом дне социальной лестницы. Это сказывается и на оплате его труда: мальчики и девочки иногда вообще не получают денег, работая только за еду и жилье.

О купцах и торговцах можно сказать примерно так же. На вершине иерархии – несколько очень богатых купцов. Почти все по-настоящему богатые купцы, ведущие международную торговлю и обладающие капиталом не менее 1000 фунтов, живут в Лондоне. Их доходы, примерно равные десятой части состояния, ставят их наравне с богатыми рыцарями. Примерно четырнадцать процентов лондонских торговцев входят в эту категорию¹⁷. У очень многих, однако, всё имущество стоит менее 50 фунтов, и доходы тоже пропорционально меньше. Немалому числу купцов приходится не только торговать, но и сдавать в аренду городской дом, чтобы свести концы с концами. Еще ниже на экономической лестнице вы найдете торговцев, которых вообще нельзя назвать «купцами» из-за низких доходов и узкой специализации. Очень немногие зарабатывают даже 5 фунтов в год. Те портные, пекари, аптекари, сапожники и мясники, которые ежегодно зарабатывают 4 фунта, живут хорошо – намного лучше, чем среднестатистический водонос или батрак. В самом низу иерархии – те, кто не является даже свободными горожанами и не имеет права ничего продавать в стенах города. В первой половине столетия только самые удачливые возчики зарабатывают 2 фунта 10 шиллингов в год, а батракам везет, если им удастся получить 2 фунта (см. четвертую главу). А многие живут и того хуже – у батраков хотя бы работа есть.

¹⁷ Документ о передаче крестьянам в аренду целого поместья перепечатан в Fisher and Jufica (eds), Documents, pp. 102–103.

Столкнувшись с неравенством доходов в городе и абсолютной властью помещиков в сельской местности, вы наверняка потеряете всякое желание вообще иметь дело со средневековой иерархией. Вы в этом не одиноки. Бродяги-попрошайки ходят по стране, практически нигде не задерживаясь. У многих из них (почти все бродяги – мужчины) есть свои исхоженные маршруты, ведущие через дома радушных хозяев, каждый год принимающих их на неделю – другую. Прокаженные, естественно, тоже вынуждены вести такую жизнь, но, когда начинают проявляться симптомы, им уже нигде не рады, и они предпочитают жить в специальных богадельнях для прокаженных неподалеку от городов. Куда охотнее принимают бродячих артистов – акробатов и жонглеров. Хотя большинство профессиональных музыкантов работают при дворах аристократов и в церквях, вы всё же встретите и бродячих менестрелей. В летние месяцы им живется очень даже неплохо: они путешествуют, играя веселые джиги на флейте или ребеке. Днем можно помочь с уборкой урожая, а потом, вечером, поиграть на танцах. Это уж точно намного лучше, чем состоять на службе. А кто хочет быть продавцом индульгенций – документов, которые якобы гарантируют покупателю отпущение грехов? Или прорицателем, предсказывающим Страшный суд? Или отшельником, живущим на милостыню прохожих?

Женщины

В отличие от мужчин, женщин обычно характеризует не род занятий, а семейное положение. Поэтому в Средние века их делят на четыре категории: девы, жены, монахини и вдовы. Положение девы или жены зависит от мужчины, который ее обеспечивает. У девушек это отец или отчим. После замужества – муж. Выйдя замуж, женщина оказывается в полной власти мужа. Она не может отказать ему в сексе, взять деньги в долг без его согласия, избавиться от какого-либо имущества – ей даже нельзя составлять завещание. Монахини находятся примерно в такой же зависимости от монастыря – их считают невестами Христа. Только вдовы и старые девы более-менее независимы, и то вдовы обычно оценивают по общественному положению последнего мужа. Это самый главный и неотъемлемый аспект жизни женщин. С рождения до вдовства они живут под чьим-либо (обычно мужским) контролем, по крайней мере номинальным.

Достаточно лишь небольшого умозаключения, чтобы вывести из этого, что женщины постоянно становятся жертвами предрассудков. Дело даже не в том, что они «граждане второго сорта» – высокопоставленных женщин уважают не меньше, чем мужчин, – а в том, что женщин обвиняют во всех физических, умственных и нравственных недостатках общества. Именно женщина убедила мужчину вкушать запретный плод, из-за чего человечество изгнали из Рая – а такую вину трудно искупить. Сам факт, что в Библии написано, по словам Чосера, «что землю женщина чуть не сгубила», служит прочной основой для всевозможных предрассудков (впрочем, к чести Чосера, сам он им не подвержен). В одной книге XIII века, переведенной на английский язык в XIV женщины меньше, смиреннее, сдержаннее, добрее, покладистее и нежнее мужчин, но вместе с тем «более завистливы, более смешливы и влюбчивы, и злобу в душе чаще таят женщины, чем мужчины». Затем автор добавляет, что «природа женщины слаба, она говорит больше лжи... хуже работает и медленнее двигается, чем мужчина». Он явно ценит хорошие качества женщин, но в целом его рассказ не слишком-то доброжелателен.

Несмотря на все эти пугающие предрассудки, что-то быстро изменить практически невозможно. Дело даже не в женоненавистничестве в обществе: люди слишком доверяют законам и социальным нормам. Мужчины исполняют законы, но это не значит, что они могут в любой момент их изменить – в конце концов, законы вырабатывались долго, в течение многих поколений. К тому же законы не сильно помогут справиться с предрассудками против женщин. Трудно сказать, как много народу считает, что проблема вообще существует. Многие женщины просто принимают доминирование мужчин в обществе как должное, считая, что Бог замыслил мир именно таким в наказание женщинам. Ибо если кто-то и попытается изучить подобные вопросы, то за информацией обратится скорее всего к Библии, а книга Бытия – не единственная, в которой есть сильный сексистский перекося. Кроме того, философия XIII века, на основе которой по большей части формируются мнения века XIV следует аристотелевской максиме «женщины – это изуродованные мужчины». Некоторые образованные женщины жестко критикуют такой сексизм, но они мало что могут с этим сделать – разве что писать остроумные полемические трактаты и делиться ими с друзьями и знакомыми.

Парализующий фактор в отношениях мужчин и женщин на всех уровнях общества – неспособность понять и контролировать половое влечение. Медицинские познания, в основном базирующиеся на учениях Галена, жившего в III веке, ограничиваются тем, что женское лоно «холодно» и требует постоянного согревания «горячей» мужской спермой. Кроме того, если женщина не имеет сношений, то ее «семя» (термин Галена) сгустится и задушит матку, серьезно повредив здоровью. Таким образом, большинство считает, что у женщин

есть физическая потребность в регулярном сексе. Брак считается важнейшим средством для утоления и женской, и мужской похоти – оба партнера друг у друга в «долгу». Выходит, что ни один из партнеров не вправе отказать другому в супружеском «долге». Соответственно, мы имеем общество, где мужчины считают, что их жены хотят заниматься любовью как можно чаще. В то же время женщин заставляют считать, что они – физическое воплощение похоти и их матки задохнутся от избытка семени, если у них не будет регулярного секса. Для незамужних женщин это представляет определенную проблему. Джон Гаддсен – одно из ведущих медицинских светил Оксфорда в начале века – рекомендует женщинам, страдающим от избыточного желания, найти мужчину и поскорее выйти замуж. Если это невозможно, то они должны путешествовать, часто заниматься зарядкой и принимать лекарства. Если даже это не помогает, а желание настолько сильно, что приводит к обморокам, женщина должна найти акушерку, которая смажет маслом пальцы, вставит их ей во влагалище и «резко ими подвигает».

Результаты этого непонимания женской сексуальности вкупе с библейскими, юридическими и интеллектуальными предрассудками против женщин временами бывают ужасны. Согласно учению Галена, чтобы зачать ребенка, женщина должна испытать оргазм. Это всё очень хорошо – для женщин, чьи мужья готовы приложить максимум усилий для зачатия. Но вот для женщин, которые постоянно контактируют с множеством молодых мужчин, путешествующих по стране, это очень опасно. Подразумевается, что, если мужчина хочет овладеть женщиной и насилует ее так жестоко, что она не испытывает вообще никакого физического удовольствия, она от этого не забеременеет. Есть даже специальный закон, по которому изнасилование считается преступлением, причем достаточно тяжким, чтобы рассматриваться только в королевском суде, а не в местных, но этот закон очень редко применяется. Если женщина не забеременела, а никаких других доказательств сексуальной связи с обвиняемым нет, то насильника вряд ли привлекут к ответственности: суду нужно нечто большее, чем показания насильника и жертвы. С другой стороны, если женщина забеременела, то, согласно учению Галена, она испытала физическое удовольствие и, соответственно, с точки зрения закона изнасилования не было.

Все эти трудности лишь усугубляет общественная иерархия мужчин. Против высокопоставленного насильника вряд ли кто-то вообще начнет судебный процесс. Если судья попытается открыть дело против мужчины с титулом, то навлечет на себя его гнев и поставит себя в неловкое положение – ведь его обвинение будет основано только на словах женщины, в правдивости которых есть все основания усомниться. Когда королевский сборщик налогов в 1381 году начал безнаказанно и систематически насиловать девочек и молодых женщин, это стало одним из поводов к началу восстания Уота Тайлера. Единственное средство, доступное разгневанным отцам обесчещенных девушек, – физическое насилие.

Прочитав вышеописанное, вы, наверное, подумаете, что участь женщин крайне незавидна. Но в том, что вы женщина, есть и свои достоинства. Когда король рассылает своим шерифам повестки о сборе армии, рисковать жизнью в бою должны мужчины, а не женщины. Тем не менее высокопоставленные женщины пользуются всеми привилегиями, положенными «тем, кто сражается». Они могут получать в наследство землю – даже если условием ее получения является военная служба. Кроме того, высокопоставленные женщины пользуются и всей полнотой власти своих мужей. Многие вдовы даже радуются, когда люди вспоминают их покойных супругов – в конце концов, какая вдовствующая графиня хотела бы, чтобы все забыли, что когда-то она была замужем за графом? Этот же принцип действует даже в низах общественной иерархии. Жена крепостного – такой же арендатор земли, как и ее муж, и ценна сама по себе. Женщинам в городах разрешается заниматься ремеслом мужа после его смерти. Так что жена портного может сама стать портнихой, или, если смотреть шире, женщина может заниматься любым из более сотни известных ремесел – даже

стать оружейником или купцом. Маргарет Расселл из Ковентри – главный пример очень богатой провинциальной женщины-купца. Из одной только экспедиции в Испанию она привезла товаров на 800 фунтов. Женщину, которая распоряжается таким капиталом и организует международные торговые экспедиции из Ковентри, трудно назвать угнетенной. Не стоит и забывать, что на втором месте в списке самых богатых людей столетия женщина – королева Изабелла. То, что жена с точки зрения закона подчинена мужу, мало что значит, если она в общественной иерархии выше всех остальных.

Еще следует помнить, что дискриминация женщин существует только в юридическом плане, а не в личном. Если женщина достаточно сильна духом, то может легко постоять за себя перед мужем – об этом вам с удовольствием расскажет чосеровская Батская Ткачиха. Мужу законом разрешается бить жену, но если он бьет ее слишком часто, она может подать на него в церковный суд за жестокость, и его там утихомирят. Но вот муж, избитый женой, в суд подать не может, потому что ни один суд не посочувствует мужчине, который настолько слаб, что не способен справиться с собственной женой. Точно так же мужу, который хочет подать в суд на жену за неверность, приходится признаться, что он рогоносец, и это неизбежно вызовет насмешки. Если муж и жена вместе вступили на преступный путь – многие семьи действительно так поступают – и совершили преступление, которое карается смертной казнью, то вешают только мужа. Жене достаточно сказать в суде, что она лишь исполнила его приказы. Благодаря подобным нюансам неравенство, которое на пергаменте выглядит жутким, в реальной жизни (по крайней мере, для большинства) довольно терпимо. По выражению Батской Ткачихи, «любая жена способна убедить мужа, что черное – это белое, да еще и служанку позвать в свидетельницы».

Есть в положении женщин и другие выгоды. На удивление многие горожанки умеют читать. Женские монастыри, может быть, и бедны ресурсами, но богаты знаниями, и в их школах девочки учатся наравне с мальчиками. Еще стоит поговорить и о старости. Если женщина переживет многочисленные роды, то у нее есть все шансы прожить дольше мужа. При этом она еще станет и респектабельнее. Мужчин старше шестидесяти лет часто считают обузой – они уже не мужественны и неспособны исполнять доминирующую мужскую роль в обществе¹⁸. С другой стороны, женщины, как считается, нисколько не утрачивают силу, но при этом лишь прибавляют в мудрости. Кроме того, женщинам не обязательно входить в «десятки» – механизм общественного контроля в крестьянстве (см. десятую главу). Еще одно, правда, не такое явное, преимущество проистекает из роли женщины в семье. Да, женщины обычно выполняют рутинную работу – в частности, стирают белье, ухаживают за больными и обряжают покойников, – но благодаря всему этому они намного лучше знают, что происходит вокруг. То же можно сказать и об их собственном доме – жены собственными глазами видят то, чем занимаются слуги, так что куда лучше мужей представляют себе, что происходит дома. Во многих богатых домах жена – связующее звено между слугами и мужем, который может надолго уехать по делам. В отсутствие мужа домом управляет она, а по его возвращении рассказывает, что нужно сделать и кого наказать – если, конечно, уже не позаботилась об этом сама. Эти женщины особо не задумываются над тем, что говорится в Библии. Они пользуются своим положением в личных целях, а если иногда на словах приходится подчиняться какой-нибудь странной библейской фразе, чтобы сохранить покой в доме, – пусть будет так.

Как видите, участь женщины в средневековой Англии очень зависит от того, насколько удачен ее брак. Некоторые мужья абсолютно преданны женам. Среди них и короли – Эдуард

¹⁸ Есть и исключения. Самое очевидное – кампания Эдуарда I против Шотландии (королю тогда было за шестьдесят). Роджер, лорд Мортимер-оф-Чирк, поднял вооруженное восстание против Эдуарда II в 1322 году в возрасте шестидесяти шести лет. Сэр Томас Эрпингем в шестьдесят лет участвовал в битве при Азенкуре в 1415 году. Генри Перси, граф Нортумберленд, несколько раз восставал против Генриха IV в возрасте за шестьдесят и погиб в бою в шестьдесят шесть лет.

I, Эдуард III и особенно Генрих IV очень любили своих жен, – и магнаты, и бедняки. Описывая свою замужнюю жизнь, Кристина Пизанская с любовью рассказывает о покойном муже. Когда он женился на ней (ей тогда было пятнадцать), он не заставил ее заниматься с ним любовью в первую брачную ночь – он хотел, чтобы она сначала привыкла к его присутствию. Мнение Чосера тоже недвусмысленно: «Что лучше мудрости? Женщина. А что лучше хорошей женщины? Ничего». С другой стороны, плохой брак может быть для женщины в буквальном смысле смертельно опасен. Именно поэтому, когда помещный бейлиф заставляет крепостную крестьянку выйти замуж против ее воли, это очень жестоко. Она никак не сможет воспрепятствовать браку с человеком, который будет насиловать и избивать ее, заберет и потратит все ее деньги, заставит выполнять всю грязную и черную работу, а потом, вполне возможно, просто бросит ее. Помимо всего прочего, каждая беременность – это риск умереть очень болезненной смертью: для матери пятерых детей вероятность гибели при родах равна примерно одной десятой (см. девятую главу). При замужестве она приносит клятву верности мужу (при этом сам он подобной клятвы приносить не обязан), а если она бросит его, то лишается не только имущества, но и любого наследства, на которое имеет право в том случае, если переживет его. Учитывая, что некоторые женщины оказываются именно в такой ситуации, неудивительно, что у женщин, страдающих от плохих мужей, есть своя святая покровительница – Вильгефортис. Невозможно не посочувствовать тем женщинам, которым не к кому больше обратиться, кроме святой Вильгефортис.

III. Средневековый характер

Осенью 1379 года сэр Джон Арундел – младший брат графа Арундела – приезжает в женский монастырь с отрядом солдат, планируя отправиться в Бретань. Он отправляет посыльного к приорессе и просит пристанища для себя и своих солдат до тех пор, пока не переменится ветер. Приоресса колеблется, боясь толпы вооруженных юношей, сопровождающих Арундела, но, поскольку гостеприимство в отношении странников, в том числе солдат, – ее долг, в конце концов соглашается. К сожалению, ветер не меняется. Чтобы развеять скуку, солдаты начинают пить и флиртовать с монахинями. Монахини, что неудивительно, им отказывают и запираются в дортуаре. Солдат это не останавливает – они выламывают двери и насилуют монахинь. С этого начинается целая цепь преступлений. Они грабят монастырь. Потом заходят в близлежащую церковь, чтобы украсть потир и серебряную посуду, и застают там свадьбу. Достав мечи, солдаты отбивают невесту у жениха, семьи и друзей и по очереди насилуют и ее. Затем, заметив, что ветер наконец переменился, они берут с собой невесту и столько монахинь, сколько получилось, на корабль и поднимают паруса. Примерно через день с востока налетает шторм. Корабль сносит с курса, и он дает течь. Арундел приказывает выбросить всех женщин за борт, чтобы облегчить судно. Шестьдесят женщин швыряют в бурное море, и корабль уходит к берегам Ирландии¹⁹.

Эта история, конечно, исключительна, и нельзя сказать, что в ней описываются типичные преступления того времени. Тем не менее хроникер Томас Уолсингем, записавший ее, даже не сомневается в ее достоверности. Люди в Средние века действительно верят, что молодые мужчины, собираясь группами, ведут себя именно так. Да, юноши действительно бывают невероятно эгоистичны и агрессивны, особенно если вооружены, скушают, напились и собрались в банду. Поскольку почти все они имеют при себе мечи, их повсюду сопровождает атмосфера страха и враждебности. Путешествовать между городами в одиночку женщинам запрещает вовсе не сексизм – это всего лишь вполне оправданная мера предосторожности. Прибавьте к этому еще несколько факторов, усугубляющих ситуацию, в частности географическую изоляцию и царящее фактическое беззаконие из-за того, что личность преступника после совершения преступления установить практически нереально, и поймете, почему средневековое общество намного более запуганное, осторожное и жестокое, чем современное.

Простолудинов во время войны забирают в королевскую армию: считается, что любой мужчина умеет (и должен) драться. Во многих регионах королевства, особенно на южном побережье и на границах с Уэльсом и Шотландией, мужчинам регулярно приходится защищать свое имущество от незваных гостей. Кроме того, банды, разгуливающие по сельской местности в начале века, заставляют даже людей в относительно безопасных районах брать в руки оружие – чисто из инстинкта самосохранения. В результате многие мужчины постоянно упражняются с луком и мечом, чтобы уметь защитить себя и свои владения. Все население – и нападающие, и те, кому приходится защищаться, – приобретает склонность к насилию.

Насилие идет рука об руку с еще одной неприятной чертой средневекового характера. Люди бывают невероятно жестоки друг с другом. Когда вы увидите, каким наказаниям под-

¹⁹ Эта история приведена в Riley (ed.), *Historia Anglicana*, i, pp. 418–423. Скорее всего, это пропаганда, потому что преступление ужасно, но тем не менее название монастыря не указано. Поблизости от города не удалось найти ни одного настолько большого женского монастыря. Ричард Барбер в своей статье в ODNB о сэре Джоне Арунделе, впрочем, приводит некоторые подробности, соответствующие этому рассказу. Так или иначе, Уолсингем верит, что подобные преступления действительно случались. Соответственно, их можно приводить в качестве примеров жестокости, которая, как считали сами люди того времени, царила в обществе.

вергают преступников, то начнете понимать кое-что о работе средневекового ума – преступления здесь искупаются самыми ужасными способами, в том числе повешением, потрошением и четвертованием. В современном мире мы понимаем, что чем страшнее совершенное преступление, тем дольше должно быть наказание. В Средневековье же чем тяжелее преступление, тем более жестока природа наказания. Впрочем, жестокостью полна и повседневная жизнь. Люди без особых угрызений совести причиняют боль животным и детям. Абсолютно все считают, что бить собак – лучший способ с ними обращаться, только так их можно воспитать. Петушинные бои – едва ли не детская забава. Даже женщины, не говоря уж о мужчинах, любят смотреть на травлю быков и медведей. Это не интересы меньшинства, а невероятно популярный жанр развлечений. Любое кровопролитие немедленно привлекает большую толпу.

От домашнего насилия жестоких мужей страдают не только женщины, но и дети и слуги. Причем дети чаще всего страдают от рук и отца, и матери. В образовательном трактате под названием «Как добрая жена дочь учила» говорится: «Если ваши дети непочтительны и не кланяются или кто-то из них плохо себя ведет, не ругайте их, а возьмите прочную розгу и стегайте их до тех пор, пока они не заплачут, прося пощады и признавая свою вину». Про «добрую женщину» в чосеровском «Рассказе Шкипера» тоже говорится, что вместе с ней была «маленькая девочка-воспитанница, еще в том возрасте, в котором бьют розгами». Разговорник того периода утверждает, что «если у вас есть дети, секите их розгой и учите хорошим манерам [всё] то время, пока они малы». Некоторые мужчины настаивают, что хороший отец бьет детей при любой возможности, внушая им страх нарушить закон, а снисходительные отцы не выполняют родительского долга. Детей уже с семи лет могут повесить за воровство – возможно, это отчасти объясняет экстремальные меры в воспитании (в том смысле, что жестокая дисциплина – это часть жесткого обучения нравственности). Но тем не менее мальчики вырастают, считая, что мужчине абсолютно не зазорно быть жестоким к детям, слугам, животным и женщинам. Дайте банде таких семнадцати – восемнадцатилетних юношей мечи, выпивку и командира вроде сэра Джона Арундела, и это приведет к трагедии.

В атмосфере насилия важно знать, кто твой настоящий друг, так что верности придают огромное значение. Когда ссорятся лорды, то все их слуги тоже ссорятся друг с другом. В 1385 году два человека, состоявших на службе единоутробного брата короля, сэра Джона Холланда, поспорили с двумя эсквайрами на службе у графа Стаффорда. Эсквайры Стаффорда убили людей Холланда. Сам Холланд после этого заявляет об убийстве слуг сэру Ральфу Стаффорду, старшему сыну графа. К несчастью, сэр Ральф всячески отстаивает невиновность своих людей. В пылу спора Холланд достает меч и убивает молодого Стаффорда, и между двумя аристократическими домами вспыхивает война.

Подобная неистовая верность характерна не только для светских лордов. В 1384 году, когда епископ Эксетера запретил архиепископу Кентерберийскому посещать свою епархию, трое подчиненных ему эсквайров заставили архиепископского гонца съесть восковую печать с письма. Несколько слуг архиепископа мстят – хватают одного из людей епископа и заставляют его съесть свою обувь. Не слишком-то подходящее поведение для слуг самых высокопоставленных священников в королевстве?

В любом обществе, которое настолько жестоко, жизненно важно принадлежать. Жители города принадлежат этому городу в обмен на защиту во время путешествий в другой город. Жители поместья принадлежат поместью – ради безопасности и пропитания. Многие люди считают свою принадлежность к городскому сообществу едва ли не важнее национальности. Когда недобросовестного ремесленника или торговца (например, жулика-трактирщика) заставляют отречься от ремесла и покинуть город, он лишается не только средств к существованию, но и общества людей, которые могли встать на его защиту.

Чувство юмора

Страсть жестокого общества проявляется и в чувстве юмора. Да, даже среди насилия и сексизма юмора немало. Но покажется ли он смешным лично вам – уже вопрос другой. Вот вам, к примеру, средневековый анекдот. Один купец спрашивает другого: «Ты женат?» – «Было у меня три жены, – отвечает другой, – да все три повесились на дереве в моем саду». «Прошу, дай мне хоть один побег этого чудесного дерева!» – говорит первый.

В наше время сарказм считается едва ли не низшей формой остроумия, но вот в XIV веке это практически вершина юмора. Пожалуй, это единственная форма остроумия, не требующая унижения жертвы. Одно из самых знаменитых юмористических писем столетия было написано молодым Эдуардом II Людовику д'Эврё; в нем он обещает прислать в подарок «нескольких уродливых борзых из Уэльса, которые могут даже поймать зайца, если застанут его спящим, и гончих, которые будут ходить за тобой вразвалочку, ибо мы хорошо знаем, как вы любите ленивых собак». Если вы окажетесь при дворе в конце 1328 года, то вас, несомненно, позабавит саркастический ответ Роджера Мортимера на письмо его заклятого врага графа Ланкастера. Мортимер, обвиненный в разорении казны, пылко отрицает все выпады в свой адрес, а затем добавляет: «Но если кто-либо знает, как сделать короля богаче, его с удовольствием примут при дворе».

Пожалуй, самая распространенная форма юмора – розыгрыши. И мужчины, и женщины веселятся, видя чужие увечья. Возьмем, например, связывание: на Радоницу в Англии есть традиция брать в «заложники» мужчин и женщин и выпускать их только за выкуп – так собирали средства на нужды прихода. В понедельник женщины связывали мужчин, а во вторник – мужчины женщин. Но временами эти забавы выходят из-под контроля. Группа ребят кладет на землю петлю и ждет, пока какой-нибудь ни в чем не повинный прохожий туда наступит. После этого они резко затягивают петлю и подвешивают беднягу за ногу – в падении он еще и часто ударяется головой. Будьте осторожны в сумерках, когда веревку трудно разглядеть в уличной грязи. Иначе будете висеть на одной ноге, пока не заплатите выкуп. Зеваки при этом будут смеяться над вашими злоключениями.

В жестоком обществе жесток даже юмор. Однажды король Эдуард II ехал по дороге позади одного из поваров по имени Моррис, и тот упал с лошади. С Моррисом явно что-то не так – он не смог удержать равновесия и снова упал. Подъехал ли король, чтобы помочь несчастному подняться? Послал ли слугу, чтобы справиться о его здоровье? Нет, конечно. Вместо этого он хохотал, хохотал и хохотал. Утерев слезы, он наградил Морриса годовым жалованием – не для того, чтобы тот поправил здоровье, а только из-за того, что ему удалось так рассмешить короля. Иногда жестокая грубость даже прославляется в ежегодных играх; например, в игре «Гекси-Гуд» мужчине, исполняющего роль Дурака, разрешается целовать любую девушку или замужнюю женщину, которая ему встретится. Но в конце праздника его подвешат на суку над костром, а потом перережут веревку, и он расплатится за свою вседозволенность сильными ожогами.

Между жестоким чувством юмора и обманом, который вовсе не так забавен, – очень тонкая грань. Вы удивитесь, сколь многие смеются над тем, как мужчине удалось уговорить женщину с ним переспать, пообещав после этого жениться, – а в качестве «гарантии» выдать обручальное кольцо из плетеных камышей, которое быстро развалилось вместе с брачными перспективами. Молодая женщина, наставляющая рога старику-мужу с привлекательным юношей, – тоже повод для веселья. Чосер великолепно использует эту идею, обсуждая отношения между мужчинами и женщинами в «Кентерберийских рассказах». Естественно, в устах Чосера даже самый банальный обман выглядит невероятно смешным. Концовка «Рассказа Мельника», где плотник перерубил веревку, державшую его корыто под крышей, и

рухнул вниз, – это великолепный образец дешевого фарса. Но на одного Чосера приходится десятки тысяч менее остроумных шутников. В 1351 году мэр Лондона даже вынужден был принять подзаконный акт, запрещающий мальчикам устраивать розыгрыши над членами парламента. Помимо всего прочего, они подбегают к ним со спины и воруют капюшоны.

Любовь воина к цветам

Сейчас вы, наверное, думаете, что характер средневекового англичанина состоит только из жестокости и склонности к насилию. В этом вы не слишком даже и неправы – эти два элемента, несомненно, присущи англичанам еще с детства. Но это далеко не единственные составные части характера. Точно так же, как биограф начинает понимать человека, жизнь которого описывает, только разобравшись во всех противоречиях его характера, вы тоже сможете понять средневековый разум, лишь уяснив всю его противоречивость. Например, настоящие мастера насилия – военные командиры, которые умеют напасть на противника внезапно и превосходящими силами. Но в реальности они не были так уж жестокосердны. Генрих, граф Ланкастер – один из величайших полководцев столетия. В 1345 году он, возглавляя англо-гасконскую армию, одерживал победу за победой. Но как он проводит время и чему радуется? Нет, конечно, он любит и всё, что «полагается» любить мужчине тех времен: охотиться, пировать и, по его собственному признанию, соблазнять женщин, особенно молодых крестьянок, – но еще ему нравятся трели соловья и запахи роз, мускуса, фиалок и ландышей. Образ великого полководца, который закрывает глаза и вдыхает аромат цветов, напоминает нам, что некоторые средневековые лорды – вовсе не недалекие жестокие бандиты. Генрих даже написал книгу о духовности и религиозности. В таких людях есть и поэзия, и утонченность, и живой ум, и доброта, и духовная щедрость. И искренность. Когда пресловутый герцог Ланкастер клянется, что не снимет осаду, пока не водрузит флаг на стенах замка, будьте уверены – он сдержит клятву. Даже прямой приказ короля не заставит его нарушить слово. Возможно, сильнее всего вас изумит то, как часто мужчины в доспехах – машины для убийства – непоколебимо отстаивают свои принципы и добродетели. И как легко довести их до слез.

Самый очевидный контраст с вульгарным бесчувственным юмором и жестокостью того времени – людская набожность. Быть «немного религиозным» по тогдашним меркам – всё равно что быть фанатиком сейчас: религия поразительно глубоко проникла в повседневную жизнь. Многие англичане ежедневно ходят на мессу. Многие каждый день дают милостыню. Многие четыре – пять раз в год отправляются в паломничества, кое-кто за год успевает посетить более ста разных церквей. Вы, наверное, предположите, что это все показуха, демонстративная религиозность, направленная на то, чтобы заставить простоллюдинов поверить, что высшие классы ближе к Богу. Но такой взгляд не только до крайности циничен – он еще и просто ошибочен. Религиозность не менее характерна для всего тогдашнего общества, чем жестокость. Один из величайших героев-воинов столетия – сэр Уолтер Мэнни, близкий друг короля Эдуарда III и королевы Филиппы. Он из тех головорезов, что готовы, словно они неуязвимы, в одиночку броситься на орду французских рыцарей. Однажды он даже совершил дерзкую вылазку из осажденного города, чтобы разломать осадное орудие, мешавшее его обеду. Вместе с тем именно он основал большой монастырь (Чартерхаус, картезианский монастырь в Лондоне) и купил на свои средства участок земли, на котором лондонские бедняки хоронили умерших родственников во время Великой чумы. Сэр Уолтер, возможно, «машина для убийства», но под его доспехами – человек, отличающийся состраданием и набожностью, и эти добродетели – столь же неотъемлемая черта его характера, как и военная доблесть.

Ключ к пониманию таких людей – идея «респектабельности». Если вы хотите польстить кому-либо, вне зависимости от общественного положения, скажите, что он держит и ведет себя как благородный человек и заслуживает всяческого уважения. Люди стремятся на важные чиновничьи должности в городах и поместьях – это улучшает их положение. Люди хотят, чтобы их ценили выдающиеся жители королевства – в особенности сам

король. И, прежде всего, они хотят, чтобы их любили и почитали и после смерти. Я не преувеличу, сказав, что на некоторых похоронах собирается более 10 тысяч человек. Чем больше народу пришло на ваши похороны, тем больше любили, почитали и уважали вас при жизни. Так что люди высокого положения стали платить нищим за то, чтобы они пришли на их похороны. В 1303 году на погребение Ричарда Грейвсенда, епископа Лондона, собралось 31 968 бедняков. Стремление хотя бы выглядеть почтенными и уважаемыми характерно и для мужчин, и для женщин. Проклинать или клеветать на кого-либо – серьезный проступок, жертвы нередко защищают свою гордость в суде. Возможно, именно такое прямолинейное представление о респектабельности лучше всего объясняет, почему людям так смешно, когда гордеца подвешивают вниз головой или крадут у него капюшон.

Образование

Насколько характер зависит от полученного образования? В Средние века наиболее правильный ответ – «не слишком». Но если развернуть вопрос наоборот, то и ответ изменится на противоположный. Недостатки средневекового образования очень сильно сказываются на людях.

В городах и деревнях приходской священник раз в неделю рассказывает детям о семи смертных грехах. В остальном образование ограничивается обучением мальчиков и девочек навыкам, необходимым для их будущего ремесла или иного занятия. Сына рыцаря в семь лет отправят в услужение другому рыцарю, часто – к дяде по материнской линии. Детям богатых лордов нанимают личных наставников. Дети сельскохозяйственного работника уже в семь лет сами начнут работать в поле. Сыновья ремесленников еще в детстве станут подмастерьями и научатся вести доходы и расходы (либо в письменном виде, либо с помощью счетных палочек), а также, естественно, основным навыкам ремесла. Детям, которым предназначено служить Церкви, в семь лет выстригают тонзуру. Образование, как и многие другие аспекты средневековой жизни, в первую очередь практично.

В большинстве городов есть и школы, но они доступны лишь немногим. Соборы, бенедиктинские аббатства, женские и мужские монастыри обычно содержат школы. Другие школы связаны с городскими церквями – именно из них выходят клерки, духовенство и абитуриенты Оксфорда и Кембриджа. Цена за обучение в школе может достигать до 10 пенсов в неделю – для большинства родителей это неподъемно. Для крепостных крестьян – неподъемно вдвойне, потому что им придется еще и платить штраф местному лорду за то, что их ребенок покинул поместье. Меньшинство, которому в четырнадцать лет все же удастся поступить в один из двух университетов, изучает сначала тривиум (грамматику, риторику и логику), а затем квадравиум (арифметику, музыку, астрономию и геометрию), чтобы получить диплом по свободным искусствам. Но студентов в обоих университетах от силы несколько сотен. Высшее образование – это малодоступная привилегия.

Учитывая, что в школах учился лишь очень малая часть англичан, вы, наверное, удивитесь, узнав, сколько народу умеет читать. Вам, наверное, когда-то сказали, что читать и писать умели только священники. Году в 1200-м в Англии так и было: если кто-то умел читать, значит, он почти наверняка принадлежал к церкви. Но в то время поместные суды не вели протоколов, большинство епископов не вели реестров, да и вообще, кроме хартий, иных письменных документов практически не издавалось. Но вот в XIV веке все уже по-другому. Заседания поместных судов тщательно протоколируются, равно как и финансовые дела каждого поместья. Каждый епископ ведет реестр. В каждом большом поместье на каждого богатого землевладельца работают клерки. У каждого судьи есть конторские работники, равно как у каждого шерифа, сборщика выморочного имущества и коронера. Большинство богатых купцов ведут бухгалтерию в том или ином виде. К 1400 году даже церковные старосты умеют вести баланс доходов и расходов²⁰. Все профессионалы в городе – врачи, юристы, нотариусы, хирурги и школьные учителя – умеют писать и читать, около двадцати процентов остальных ремесленников тоже грамотны. В сельской местности основную часть грамотного населения составляют поместные клерки, приходские священники и ктиторы. При

²⁰ Лишь очень немногие отчеты церковных старост XIV века сохранились до наших времен. Судя по списку в приложении к Hutton, *Rise and Fall*, pp. 263–293, самые ранние из них – из церкви Бриджуотера (1318), Св. Михаила в Бате (1349), Св. Иакова в Хедоне (1350), Рипона (1354), Св. Иоанна в Гластонбери (1366), Св. Августина в Хедоне (1371), Св. Николая в Хедоне (1379) и Тэвистока (1392). То, что подобные отчеты велись и на севере страны, и на юго-западе (от Йоркшира до Западного Девона), говорит о том, что этот формат в XIV веке был распространен шире, чем можно предположить по количеству сохранившихся документов.

составлении списков фригольдеров, наиболее достойных доверия, часто специально указывается, грамотны ли они – и таковых находится немало. Крепостных в таких списках не бывает: подавляющее их большинство неспособно даже прочесть собственное имя, не то что записать его. Несмотря на это, можете рассчитывать, что в сельской местности грамотны примерно пять процентов взрослых мужчин, а в городах – и все двадцать²¹. К концу века в некоторых городах и «сити» этот процент, возможно, даже еще намного выше.

²¹ Для сравнения: по оценкам, уровень грамотности в Англии 1500 года составлял около 10 % (Stephens, Literacy, p. 555). Уровень грамотности горожан в 20 % и сельских жителей в 5 % дает в среднем 6 % грамотного населения, если считать, что в городах живет 12 % населения, как указано в первой главе. Поскольку революция в ведении учета и образовании произошла только в XIII веке, цифра в 6 % кажется вполне соизмеримой с 10 % в 1500 году, до новых значительных прорывов в образовании и грамотности, случившихся в XVI веке.

Знания об окружающем мире

Еще один миф, популярный в современном мире, – что простые люди в Средние века никогда не уезжали дальше пяти – шести миль от дома. Увидев, какие толпы собираются в городах в базарный день, вы уже поймете, что это не так. Да, крепостные действительно не уходят дальше нескольких миль от поместья, потому что привязаны к помещику, но свободные люди могут путешествовать – и путешествуют – на куда более далекие расстояния.

Представьте для примера, что вы – преуспевающий свободный землевладелец и хотите, чтобы семеро ваших сыновей и дочерей нашли себе подобающие партии. Вам, скорее всего, придется искать семьи за пределами своего прихода. Да и все подходящие семьи, естественно, не будут жить в одном и том же соседнем приходе. Так что всего за одно – два поколения семья может рассеяться по довольно приличной территории. Каждый член семьи, вполне возможно, будет ходить на рынок в свой ближайший город и, конечно, рассказывать родным, что и почем там можно купить. В одной большой деревне обычно три – четыре таких зажиточных семьи, и вместе они владеют довольно-таки обширной информацией о городах и последних политических новостях. Они знают всё о городах в радиусе двадцати-тридцати миль в любом направлении. А еще они знакомы со многими влиятельными людьми. Так что благодаря родственным связям, дружбе и торговле возникает сложная информационная сеть. Более того, когда члены этих семей отправляются в путешествие, они останавливаются у родственников. Таким образом, они общаются с двоюродными и троюродными братьями и сестрами, и возникает еще одна сеть – взаимопомощи, связей и мест, где гарантированно можно получить ночлег.

Теперь рассмотрим общественные обязанности семьи вышеупомянутого землевладельца. Предположим, что его брата назначили бейлифом в поместье. Это в том числе значит, что ему нужно периодически ездить то в поместье, то к управляющему делами лорда – а тот, в свою очередь, может находиться буквально где угодно, если хозяин возьмет его с собой в путешествие. Другой брат этого крестьянина – монах, который ездит с проповедями по городам и деревням. Или, может быть, он моряк. А его кузена назначили на год окружным констеблем. Ему, соответственно, приходится ездить не только по всей территории поместья и заглядывать в соседние поместья, но и посещать окружные суды и суды графств, которые, вполне возможно, заседают в двадцати – тридцати милях от его дома. Если у матери землевладельца были родственники, владевшие частью поместья, то, вполне возможно, у семьи есть в родне и эсквайры, служащие аристократы – а они и вовсе путешествуют по всей стране. Так что информационная сеть может распространяться далеко за пределы одного поместья.

Как только вы задумаетесь о множестве различных видов деятельности, которые требуют постоянных поездок, то быстро поймете, что вольные граждане регулярно ездят на расстояние в десять – двадцать миль, а то и больше. Фригольдеры, владеющие землей, приносящей доход более 40 шиллингов, имеют право участвовать в выборах представителя графства в парламенте, для этого нужно ехать в столицу графства. Служителям епархии приходится совершать длительные путешествия, чтобы назначать новых священников или рассматривать дела в церковном суде. Королевские судьи, их секретари и слуги ездят по всей стране; на заседание королевского суда съезжаются сотни местных чиновников и людей, обвиняемых в преступлениях. Многие англичане совершают паломничества. Прибавьте к этому служителей монастырей и слуг аристократов, которые управляют отдаленными усадьбами, и поймете, что путешествия не просто широко распространены – избежать их практически невозможно.

Хороший пример – утверждение завещаний. Душеприказчики обязаны принести клятву и утвердить завещание в строго определенном церковном суде. Соответственно, им приходится ехать в один из нескольких судов: епископскую консисторию, архидьяконский суд, «особый» суд церковнослужителя или суд архиепископа Кентерберийского в Ламбете. Отсутствие общественного транспорта никак не оправдывает неявки. Равно как и большое расстояние. Если умирает человек, живущий на границе Девона и Корнуолла, и оставляет имущество в обоих графствах, то у его душеприказчика нет иного выбора, кроме как потратить несколько дней на поездку в Эксетер и обратно (а это 80 миль). Если умерший оставил имущество на границе епархий Йорка и Линкольна, то придется ехать уже в Ламбет (300 миль туда-обратно). Даже если люди не пускаются в путешествия ради удовольствия, им приходится это делать по необходимости.

Что англичане знают о событиях за рубежом? Здесь опять-таки весь вопрос – в практической. Когда Эдуард III в 1346 году отправляется во главе армии во Францию, 15 тысяч человек для нее он собирает со всех концов королевства. То же можно сказать и об армиях, отправленных в Гасконь (феодалы земли английских королей на юго-западе Франции), и об армиях, которые все пять сменившихся за век королей созывали на войны с Шотландией. Мужчины с юга Англии, которые идут в Шотландию, по пути проходят множество городов, знакомятся с множеством разных людей и слышат десятки региональных говоров. Не менее 30 тысяч англичан пересекли Ла-Манш, чтобы поучаствовать в осаде Кале в 1346–1347 годах, если верить официальным платежным ведомостям. Многим из них приходится пройти 200–300 миль от дома до порта. За это время они знакомятся с другими собратьями-солдатами из всех уголков страны, видят немало новых мест и рассказывают и слушают разные истории и новости.

Информация о событиях за морем доходит до Англии разными путями. Во-первых, английское духовенство регулярно общается с папой. Английские клерки и гонцы постоянно ездят через Францию в Авиньон или Рим, встречаясь по пути с самыми разными людьми – от трактирщиков до монахов и знати. Немало англичан совершают далекие паломничества – в Сантьяго-де-Компостела, Рим, Кёльн (к раке трех волхвов) и даже Святую Землю. Эти путешественники тоже приносят с собой знания о заморских странах. Тысячи англичан принимают участие в крестовых походах на Пруссию и Литву или на Никополь, а для этого тоже приходится преодолевать большие расстояния и знакомиться с жителями множества других королевств. Еще один источник новостей – письма, которые получает и рассылает король: их развозят по стране придворные. Ко двору регулярно являются гонцы из Франции и Испании, отчасти благодаря тому, что жена Эдуарда II – дочь короля Франции, а его кузен – король Кастилии. Эдуард III активно ведет дела с родственниками из Нидерландов. Два его сына женятся на кастильских принцессах, третий – на дочери герцога Миланского. Ричард II женится на принцессе из Праги (Богемия), а сестры Генриха IV – королевы Кастилии и Португалии. Одна из его дочерей в начале XV века вышла замуж за короля Норвегии, Швеции и Дании. Англия, может быть, и расположена на острове, но отнюдь не отрезана от Европы.

Помимо прочего, новости из-за моря приходят через моряков и торговцев. Мореходы, выходящие из Кингс-Линна и Бостона, отлично знают берега Швеции, Норвегии, Дании и Прибалтики. У английских купцов есть торговые представительства в Копенгагене и Данциге (современный Гданьск). Некоторые смельчаки добрались даже до Московии (под этим названием известно Великое княжество Московское). Герцогство Аквитанское – наследственное владение короля Англии, а большая часть английского вина – из Гаскони, так что морякам Плимута известен морской путь в Бордо. Между южным побережьем Англии и Нидерландами постоянно курсируют суда – особенно часто они направляются в знаменитые своими ткачами фламандские города Брюгге и Гент, которые закупают большое количество английской шерсти. Торгуют англичане и с немецкими городами, входящими в Ганзейскую

лигу. Англия, может быть, и не крупнейшая торговая держава христианского мира, но ее экономические связи простираются от Ирландии и Португалии до Константинополя и Москвы.

Что это всё значит для среднего англичанина? Всё зависит от того, где он живет. Жители городов и деревень, стоящих на главных дорогах, ведущих от Лондона к крупным портам – особенно Дувру, – чуть ли не каждый день видят иностранцев и купцов. Но можно с определенной уверенностью сказать, что у каждого англичанина есть знакомый, который воевал в Шотландии, Ирландии, Франции, Испании или в одном из прусских крестовых походов в Восточной Европе. Нет ни единого человека, кто не слышал бы солдатских рассказов и баек. Так что, когда Джеффри Чосер упоминает рыцаря, который сражался в Литве, Пруссии, России, Португалии и Турции, большинство его слушателей уже знают и названия этих стран, и то, что они очень далеко от Англии, – даже если никогда в жизни не видели карты мира. А когда рассказ заходит о шкипере из Дартмута, который знает все гавани от Балтийского моря до мыса Финистерре и всё бухты Бретани и Испании, слушатели тоже все понимают; знаменитый сэр Джон Хоули – пират и торговец, восемнадцать раз избиравшийся мэром Дартмута, – известен всем. Даже когда Чосер говорит о Сирии и Азии, это вполне вписывается в средневековую картину мира. Генрих IV человек, побывавший и в Иерусалиме, и в Вильнюсе, Кёнигсберге и Данциге, ведет переписку с царем Абиссинии (современная Эфиопия). Эдуард III принимает у себя сына «царя Индии». В 1400 году император Константинополя лично посещает Англию в сопровождении православных священников из Византии. Так что можно сказать, что хоть многие крепостные действительно ни разу в жизни не покидают поместья, но большинство англичан знают о событиях, происходящих за морем, даже если сами никогда и не уезжали из Англии.

Вот знания о землях, лежащих за пределами христианского мира, – совсем другой вопрос. Ни один средневековый англичанин никогда не был в Китае или Индии. На картах мира есть Китай – его там называют Серес, потому что китайцы носят шелковую одежду, – но об Азии знают так мало, что эту информацию даже знаниями-то не назвать. Люди по-прежнему путают Индию и Эфиопию, повторяя ошибку, сделанную еще в I веке нашей эры Плинием Старшим. Благодаря подделанному в XII веке письму многие считают, что Индий на самом деле три, все они – сказочно богатые страны, а правит там христианский князь (пре-свитер Иоанн). Соответственно, само название «Индия» используется как синоним Азии, которая, по некоторым представлениям, покрывает половину земного шара. Подобные ошибочные суждения лишь усугубляются теориями монастырских ревизионистов, которые сами никогда в жизни не покидали келий, но тем не менее из сложных богословских выкладок делают вывод, что восточное побережье Индии находится всего в нескольких днях морского пути к западу от Испании.

Большинство людей представляют себе, что земля – шар, но при этом им не приходят в голову логичные следствия из этого – например, что от Англии можно добраться до Китая, если отправиться на запад²². Первой попыткой подобного рода станет плавание Колумба в конце следующего столетия. Люди знают, что Азия, Африка и Европа окружены огромным океаном, но считают, что на другой стороне этого океана – и, соответственно, на другой стороне мира – лежит четвертый континент, называемый Антиподией, или Terra Australis Incognita («Неизвестная южная земля»). Люди не могут туда попасть, потому что там слишком жарко. Там живут фантастические народы, например сциоподы, у которых всего одна огромная ступня. Чтобы отдохнуть от нестерпимой жары, сциоподы ложатся на спину и укрываются от солнца в тени собственной ступни. Вместе с ними в Антиподии живет еще

²² То, что Земля имеет сферическую форму, считали самым собой разумеющимся еще со времен Аристотеля. Этот факт стал неотъемлемой частью знаний ученых еще во время каролингского возрождения в VIII веке... К XIII веку знания о сферической форме Земли... проникли не только в ученую, но и в популярную литературу». Simek, Heaven and Earth, p. 25.

дюжина невероятных народов. Среди них – антипеды (люди, у которых ступни растут в обратную сторону), амазонки (женщины с одной грудью), кинокефалы, или псоглавцы (люди с песьими головами), панотии (люди с огромными, как у слонов, ушами) и блеммии (безголовые люди, лица которых расположены на груди).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.